ЦЕНА В МОСКВЕ
1 руб. 50

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ЦЕНА ВНЕ МОСКВЫ
1 руб. 65 к.

47
I 158

Жизнь и Творчество Русской Молодежи.

БИБЛИОТЕКА

№ 2. АВГУСТ 1918 г. № 2.

Цели журнала:

[П]олное раскрепощение ду[ш]а молодежи в России, развитие свободнаго воле[в]ого самосознания, как фундамент безконечных творческих достижений, об'единение молодежи на платформе тесного единения с народом, отражение всех сторон жизни и творчества молодежи и ея участия в строительстве общественной жизни.

Программа журнала:

[1.] Общественная жизнь и молодежь. 2. Жизнь молодежи неучащейся и учащейся в высшей и средней школе. 3. Эсперанто. [4.] Беллетристика [5.] Скульптура. 6 Зодчество 7. Театр 8. Музыка [9.] Спорт. 10. Хроника. [11.] Библиография и критика. 12. Юмор. 13. Смесь задачи. 14. Почта. 15 Наша портретная галлерея [1]6. Об'явления.

Наша портретная галлерея.

Ѳ. И. Шаляпин—в молодости.

Ѳ. И. Шаляпин — деревенский парень.

Перепечатка будет строго преследоваться.

Сотрудники журнала:

Вся русская молодежь, желающая принять участие и дать рукописи для напечатания. Все лучшее, талантливое и интересное немедленно помещается Рукописи должны быть написаны по правилам новой орфографии на одной стороне листа крупно и разборчиво Рукописи менее печатнаго листа не возвращаются. Рукописи помеченные словом „оплатить“ — оплачиваются по соглашению (в том случае, если будут приняты к печати) Присылкой рукописей, рисунков и фотографий Редакция просит торопиться.

Содержание № 2.

1. Библиография.—2. Почта.—3. Хроника.—4. Современный момент и роль молодежи в нем. **Н. Маркова.**—5. Приветствие.—Стих. **Ботякова**—6. О задачах молодежи—**Ф. Канаев.**—7. Воспитание молодежи на Филиппинских островах—**Григорий Розенблат.**—8. Афоризмы из сборника **А. М. Х.**—9. Новые формы школьного самоуправления.—**М. Т.**—10. Международный вспомогательный язык Эсперанто.—**М. Т.**—11 „Увяда[ние]“—стих **П. Корелина.**—12. Ничтожные—этюд. **М. Черных.**—13. Из сборника „Месяц бледный“. стих—**А. Вашкова**—14. „[illegible]“—стих. **Н. Некрасова.**—15. „В саду“—стих. **Е. Горловой**—16 „Жизнь для других“—повесть—**Анастасии Блюм**—17. „Комнатка“—стих. **Бахвалова.**—18. „Песнь юности“—стих. **А. Никанорова.**—19. „Женщине“—стих. **Эгалева.**—20. „Фиалка“—стих. **Н. Захарова**—21. Отзыв Л. Толстого об Эсперанто.—22. Долой академическую дисциплину искусства!—**Саша Бут.**—23. Несколько слов к молодежи о вокальном искусстве.—**А. Хлебодарова.**—24. Спорт.—25. Юмор.—26. Об'явления. *Иллюстрации в тексте:* 1. Ѳ. Шаляпин—фотогр. из сборника **А. М. Х.**—2. Письмо к сыну рис. **Г. Розенблата.**—3 Портрет актрисы А. Галлянг.—Рис. **А. Манкова.**—4. Эрзерум—фот. **Н. Маркова**—5. В лесу,—рис. **М. Келлата.**—6. С. Борзус,—фот. **Н. Маркова.**—7. Весна,—рис. **М. Келлата**—8. Повесть „Жизнь для других“—иллюстрировал **А. Манков.** 9. Лунная ночь под Москвой—рис. **М. Келлата.**

БИБЛИОГРАФИЯ.

„Ученическая Мысль“ №№ 3—4, июнь—июль 1918. Издание ученического комитета III мужской гимназии. Н.-Новгород.

Журнал „Ученическая Мысль“ выходит вместо закрывшегося после двух номеров „Первого Опыта“. Редакция нового органа нижегородских учащихся надеется, путем сплочения вокруг себя юношеской интеллигенции, возродить ученические организации, необходимые учащимся в переходную эпоху строительства новой, свободной школы.

Мы можем только приветствовать нашего нижегородского собрата, стремящегося к тем же целям, которые преследуем и мы.

Журнал состоит из статей, стихотворений и хроники. Беллетристика и иллюстрации отсутствуют совершенно. Общий тон статей—за Советскую власть. Не касаясь принципиальной правильности такого отношения, следует указать, что лишь при деятельной поддержке учащимися Народного Комиссариата Просвещения возможно более или менее успешное проведение дела реформы школы.

Наиболее содержательной является статья „Юноши“. о современном юношестве. Подводя итоги деятельности учащихся в разных городах, автор приходит к пессимистическому выводу, что молодежь потеряла сознание необходимости организации и интерес к ней и своими же руками уничтожила ту работу, которую учащиеся сумели вести в продолжение десяти месяцев. Но автор не отчаивается,—он надеется, что в молодежи, отвернувшейся от строительства новой жизни, вступившей в ряды белой гвардии, проснется чуткая совесть, искусственно усыпленная влиянием обывательщины, и эта совесть укажет ей истинный путь,—путь правды, братства и справедливости.

Обращает на себя внимание превосходная статья Г. Р. о сущности социализма. Попутно Г. Р. разъясняет некоторые возражения против теории и учения Маркса. Статья *хороша как по содержанию,* так и по стилю изложения.

Некоторое недоумение вызывает „статья“ Льва Мозалевского о реформе школы. Вся она является лишь простым изложением известной брошюры А. К. Борсука: „Какая школа нужна свободной России“, вдобавок испещренным кстати и некстати ремарками г. Мозалевского.

С любовью, изящно и увлекательно написана большая вещица В. Яхонтова о душе Московского Художественного театра—К. С. Станиславском.

Стихи Nemo, П. Краукле, П. Эмского и Киселева очень хороши и красиво подобраны.

Большая повесть в стихах П. Карелина показывает, что автор ее наделен недюжинным талантом и при усердной работе над собой может выйти в литературный свет.

Хроника нижегородской жизни довольно полна,—к сожалению, отсутствует иногородняя. Цена журнала несколько высока, но вполне окупается его содержанием.

М. Т.

„**Интернационал Молодежи**“. №№ 3 и 4, орган московского союза рабочей молодежи „III Интернационал“. Москва 1917—1918.

Журнал, как видно уже по его названию,—чисто-партийный, большевистский, что, впрочем, вполне соответствует самому московскому союзу рабочей молодежи „III Интернационал“. Все внутренние его противоречия и недостатки отразились и на его органе, хотя этот последний все же должен быть признан удовлетворительным.

Журнал расчитан для пролетарской молодежи и ее интересы и нужды широко защищает. Состоит он по преимуществу из статей и хроники. Статьи помещены как общеполитические, так и профессиональные. Первые не интересны, ибо они являются лишь простым повторением „Известий Ц. И. К.“ и „Правды“. Гораздо более интересны статьи, посвященные жизни рабочей молодежи и ее союзу, а так же и общеобразовательные.

Из отдельных статей выделяются: „Введение в политическую экономию“ Вал. Имшенецкого, написанная довольно живо и трактующая о сущности политической экономии, и „Всероссийский с'езд союзов рабочей молодежи“ Л. Шацкина, призывающая рабочую молодежь к об'единению.

Беллетристики очень немного, и вся она какая то односторонняя: воспоминания о 1905 г., о революционной борьбе и т. п. Неужели рабочая молодежь должна писать только об этом? Неужели у нее нет своих личных, интимных, нереволюционных переживаний?

Стихотворения в журнале многочисленны, и среди них есть недюжинные чувства, например, стихотворения Ив. Ерошина и Андрея Бирюкова.

Хроника ... более чем полон. К сожалению совершенно ... сведения о культурно-просветительной работе союза. А это было бы весьма небезынтересно.

Неудачен отдел библиографии. В нем помещена критика книг, не имеющих никакого отношения к молодежи. Лучше было бы давать рецензии о журналах рабочей молодежи, о книгах, говорящих о ее жизни и творчестве.

Удачна мысль помещать списки книг для чтения. Из-за отсутствия хороших руководителей по чтению эти списки могут очень помочь.

М. Т.

ПОЧТА.

П. Брыкову. Ваши произведения слабоваты. Вы спрашиваете, помещаем-ли мы произведения уже бывшия у Вас в печати?—Нет, не помещаем.

Вл. Траурному. Присланные стихотворения удовлетворительны.

Юмбо. В этом № ваших стих. поместить не достало места.

Н. Зинкину. Ваши „Воспоминания“ дают чувствовать, что первая попытка удалась.

Л. Рыль. За недостатком места не удалось поместить стих. „Звуки“, а другие не подходят.

А. Пыляеву. Не совсем удовлетворительны.

И. Ар. Смирнову. Ваши стихотворения слишком слабы.

Евг. Энскому. Зайдите лично в редакцию.

В. Ленскому. Ваши стихотворения слабы, а рассказ „Ночью в XX веке“ не интересен.

Соколу Вольному. Надеемся, что найдутся у вас более интересные и красивые вещицы.

А. Никанорову. На второй очереди хорошо по мысли и легкости стихотворение „Откровение Люб. Отш.“.

Өедорову Евгению. Не хватило места.

А. Леонову. Ваши рисунки слабы.

Г. Дальнему. Ваша „Булка“ не возбуждает аппетита.

П. О. Удовлетворительно.

Студенту В. Архангельскому. Ваши „Осколки“ слишком колят безхудожественностью.

Л. Васильковскому. „Василек“ слаб.

Д. Скуповскому. Некрасиво передано; советуем больше читать русских писателей.

М. Бочарову. Ваши „вещи“ тяжелы.

Солдату Фрейдкину. Хотя в ваших стихах слог красивый и легкий, но тема произведений нас не удовлетворяет: бросьте все старое, избитое; поменьше мечтательности,—пора проводить новые идеи и мысли.

И. Шолоку. Дайте что-либо на другие темы.

Эгалеву и Н. Захарову. Ваши произведения глубоко радуют нас. Надеемся видеть в вашем лице постоянного сотрудника.

Г. Парфенову. Ваши стихотворения хороши за исключением „На колокольне“.

Письмо в редакцию.

М. Г. Господин Редактор!

Не могу описать вам, как обрадовало меня появление вашего журнала. Наконец, заполнен тот огромный пробел в нашей литературе и общественной жизни, который сильно угнетал нас. Действительно, про нас, молодежь, ничего не говорили, не писали, а если и писали, то очень мало и некомпетентно. Теперь-же, благодаря вашему журналу, мы сами можем писать о себе, описать нашу работу, наши стремления, мечты, желания, порывы.

Обидно и горько было, что нас обходили молчанием. Много говорили и делали для детей, а об нас ни звука, словно мы совершенно бесполезные люди, не участвующие в созидании нового строя, новой жизни.

Это была большая ошибка, но теперь она, к счастью, исправлена.

Чтобы пересказать все то, чем обязана молодежь вашему журналу, потребовалось бы слишком много бумаги и времени.

Низкий, земной поклон всем создателям вашего журнала и горячее, сердечное спасибо. Я глубоко уверен, что молодежь с радостью откликнется на ваш призыв, и наши бодрые голоса зазвенят по нашей больной и несчастной родине.

Прошу вас напечатать мое письмо в журнале, т. к. я думаю, что моими словами сказаны мысли всей молодежи; многие из них сказали бы вам то же, что и я, и также горячо поблагодарили бы вас за ваши труды.

Весь ваш *Михаил Зуев.*

ХРОНИКА.

Нижний Новгород. Здесь союз рабочей молодежи организовался в конце декабря. Организовалась сначала инициативная группа, которая занялась агитацией среди молодежи. Агитация ведется в печати и на фабриках и заводах. ... установлена связь с тремя заводами. На общем собрании был выбран временный комитет. ... ощущается недостаток в агитаторах. Крайне необходима присылка московского устава. Распространяется журнал „Интернационал Молодежи“. Установлены дежурства секретаря для записи членов.

Царское село. По инициативе кружка учащихся организуется „Клуб социалистической молодежи“.

Ялта. (Крым). Организовался союз молодежи „III интернационал“. Обратились за указаниями и уставом в московский союз.

Томск (Сибирь). В Томске ... „Союз социалистической мол... учащейся. Выпускается газета-журнал „Звено...“ пока еще определенной физиономии не имеющий. Единение рабочей и учащейся молодежи—такова главная задача газеты. Выпущен только ... один номер.

Тифлис. В Тифлисе организовался союз молодежи „Спартак“. Цели союза: поднятие ... турного уровня юношества, революционное ... ва и борьба за улучшение условий труда ... летних тружеников.

Ковров. (Владимирской губ.). Ковровский союз социалистической молодежи организован 20 ноября. Членов—106 чел., при чем ... учащихся и рабочих. Цели союза: борьба за социализм, подготовка борцов и творцов нового ...

Калуга. Работа в калужском союзе рабочей молодежи постепенно налаживается. Происходят занятия в группах: лекторской, по изучению политической экономии, беллетристической, драматической, по изучению практического немецкого языка. Идут занятия и в хоре. Замечается сильная тяга к организации в уездах. У калужского союза имеется свой устав, первый пункт которого говорит: „Рабочая молодежь Калуги—юноши и девицы,—живущие продажей своей рабочей силы, организуются в один калужский союз рабочей молодежи“. В следующих пунктах говорится о целях союза: подготовка сознательных борцов за социализм. Дальше следует пункт, выясняющий работу союза для достижения намеченной цели: устройство лекций, докладов, бесед по разным вопросам, организация курсов, клубов, библиотеки, читальни, научных экскурсий, музыкальных и драматических кружков, вечеров и т. д. Калужский союз является частью интернациональной социалистической юношеской организации. Существует особый устав о дисциплине, который определяет обязанности членов союза, членов к-та и разных комиссий.

Дер. Зубово. (Касимовск. у., Рязанск. губ.). Солдатами-окопниками организован в дер. Зубово, Давыдовской волости, союз молодежи. Записалось 23 человек. Солдаты знакомят крестьян и молодежь с рабочей печатью и ... чами революции.

(„И. Т.“).

С'езд союзов рабочей и крестьянской молодежи.

3—4 августа состоялся с'езд союзов рабочей и крестьянской молодежи Московской губернии. Присутствовало 30 делегатов от 19 организаций.

Первый день с'езда был посвящен составлению устава и докладам с мест.

Из докладов с мест выяснилось, что ... молодежи пока еще находятся в периоде организационной работы. При разработке ... возникли оживленные прения о политической платформе союзов молодежи.

Представители московских союзов выдвигали ту точку зрения, что союзы молодежи ... стоять вне определенной партии и принять платформу интернационала. Представитель петербургской организации настаивал на том, что союзы должны быть чисто коммунистическими.

В результате прений восторжествовала ... точка зрения, и решено было все союзы рабочей и крестьянской молодежи Московской губ., ... шие различные названия, переименовать в союзы „третьяго интернационала“.

После принятия устава был заслушан доклад тов. Завьяловой по текущему моменту. ... создавшееся ... положение,—в настоящее ... серьезное положение,—докладчица выразила уверенность, что из всех затруднений Советская Республика, несомненно, выйдет победительницей.

Продолжение см. на стр. ...

ЖИЗНЬ и ТВОРЧЕСТВО РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ.

№ 2. АВГУСТ 1918 г. № 2.

Главная контора и редакция: *Москва*, 1-я Мещанская, дом № 50, кв. № 12. Контора и редакция открыты по вторникам и четвергам от 5 — 7 часов вечера.

Южное отделение конторы: *гор. Липецк*, Тамбовской губ., Липовская улица, дом № 6.

Украинское отделение конторы: *гор. Харьков*, Дворянская улица, д. № 7, кв. № 5.

ОБ'ЯВЛЕНИЯ: за строку нонпарели 2 руб. 50 коп.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ И МОЛОДЕЖЬ.

Современный момент и роль молодежи в нем.

Теперь, когда со всех сторон Россия окружена иноземными полчищами, угрожающими снова втянуть русский народ в войну,—теперь особенно необходимо молодым интеллигентным силам подойти ближе к трудящимся массам народа и всеми силами способствовать тому, чтобы засыпать ту пропасть, которая была создана в октябрьские дни.

Не нужно забывать того, что продолжающаяся разруха в значительной степени увеличилась и от того, что интеллигентные рабочие саботировали, а некоторые продолжают и теперь заниматься явным и тайным саботажем.

Ясно, что рабочие массы не могут доверить дело таким лицам и сами берут его в свои руки, будучи совершенно незнакомыми в нем. Зачем все это? Разве не хватило бы интеллигентных работников занять эти посты и быть руководителями ради общей пользы? А в конце концов от саботажа страдает не только народ, но и саботажники, которым тоже не по душе работа полуграмотных комиссаров: „вот, смотрите, как без меня дело у „большевиков" плохо идет"—говорят они в кругу своих коллег. Не подло-ли это? Сам отлично знает, что плохо без него будет идти дело и сам же способствует этому. Может быть, скажут, что он все это делал потому, что он не большевик; но и это не оправдает его. Ведь его работа нужна не для большевиков, а для народа, а большевики и народ—два различных понятия.

Массы народа у нас еще не настолько зрелы в политике, чтобы можно было о них сказать, что они будут вечно большевиками. Для народа важен не цвет политической окраски, а ея практичность, т. е. насколько данная окраска предохранит его от окружающих неблагоприятных условий быта. Эту-то чисто-практическую сторону и нужно всегда брать при политической оценке народных масс.

В данный момент мы наблюдаем колебание народных масс. Народ жаждет хлеба, порядка и мира и, если ему не дадут этой „троицы" социалисты, то народные массы не откажутся взять ее у монархистов. Этого-то последняго мы и должны бояться и всеми силами нужно внушать народу, что малейшее уклонение вправо есть гибель. Для того, чтобы народ верил в нас, молодых работников, необходимо не на словах, а на деле показать ему, как ты работаешь; не нужно говорить о том, что ты анархист, большевик или меньшевик, этого от нас народ не потребует, а потребует он от нас лишь полезной работы.

Пора всем понять, что каждый работает не для партии, а для народа. И вот тогда, когда рабочия и крестьянския массы увидят работу молодой интеллигенции, тогда ничто не помешает тесному единению интеллигентных и физических тружеников, ибо только синтез этих двух сил может ковать счастье народа и привести Россию к счастливой социальной жизни. Только при единении с народом мы можем увидеть родину счастливой.

К этому единению молодой интеллигенции с народными массами и призываем мы всю русскую молодежь и твердо верим, что близок тот час, когда снова студент и рабочий, учительница и крестьянин братски протянут друг другу руку и об'единятся в одну тесную семью для совместной трудовой жизни и для создания новой свободной России.

Н. Марков.

Приветствие.

Привет сердечный шлю,
Тебе журнал я новый
Путь твой благословлю,
Довольно трудный и тяжелый.
Желаю много лет
Тебе существовать,
Всю нашу вялую младежь
Ко свету звать.
Раскрыть ей новые пути
Нашей лучшей жизни,
Чтоб их могли пройти
На благо всей отчизны.
Долой все старое и дряхлое!
Долой всю ветхость ту!
Здравствуй новое прекрасное,
Юность на своем посту!

Н. БОТЯКОВЪ.

О задачах молодежи.

Пока мы не научимся жить, пока не перестанем мечтать о каких-то неясных туманах, до тех пор не будет новой России и будут меч...ки, как смех на похоронах, все громкия фразы о спасении ея.

Русская молодежь, что это—каков лик ее,—новый ли богатырь, убивающий семиглавого зверя, или только желанный призрак—надежды безсильных, больных сердец!

Где те новые люди—люди не слов, а дела.—Всюду, где ни посмотришь за молодежь говорят поэты, воздыхатели лунных ночей.

Повсюду во всех юных журналах целуют в алые уста, вздыхают, то мило воркуют, а настоящих тяжелых железных слов нет!

Когда же, наконец, заговорит молодая Россия новым языком без кривляний, ужимок, а правдиво и честно, считаясь с холодным рассудком, направляемая светлой душой.

Но дождемся ли мы желанного часа. Можем ли ждать мы спасения России через настоящую молодежь.

Что есть истина? — Что есть молодежь?— Сфинкс ли загадочный, таящий возможности, или пустая балалайка в ко-

варных бесовских руках. Большинство молодежи метнулось на правый фланг, прочь от „подлого народа“, замкнулось в мертвых словах, и есть ли надежда вернуться опять на широкую дорогу? Наша мысль уже изнасилована прошлым режимом, а белые крылья наших мечтаний испачканы кровавым потоком безпощадной ужасной войны.

Ни для кого не секрет, что довольно многочисленная часть молодежи сплошная „центроподлость“. Я боюсь, что у многих вместо души одна сплошная черная яма,—для этой части молодежи, нет иного выхода, кроме смерти!

Да, смерть! не бойтесь этого слова, оно не так ужасно, как звучало когда-то в иные времена!

Надо помнить: „одна паршивая овца все стадо портит“; единственный способ обезвредить—это из'ять ее.

Конечно, надо бороться всеми силами, надо пробовать воскрешать умершие сердца, но если нет уже веры в чудо, то пусть не дрогнет рука, и смерть наложит черные ризы на ненужное тело с пропавшей душой!

Боритесь, собирайтесь в тесный круг, сплотитесь тесным кольцом, дайте почувствовать упругость ваших молодых сил и ширьтесь по всей необ'ятной равнине, пробуждая, творя новую жизнь!

Я хочу верить, что не погибнет Россия!

Найдется среди молодежи еще много людей дела—великих людей творцов!

Пусть целуются, поют и плачут поэты, —мы с их песнями начнем строить великое здание!

Нашим девизом будет „меньше слов, а больше дела“!

Пусть каждый работает, чтобы научиться уважать себя, ибо от самопрезрения погибла прошлая Русь!

Надо так воспитать молодежь, чтобы она не стыдилась быть Русской, не плевала б себе же в лицо!

Огромные возможности, — необ'ятная ширь черной от пожара земли, восстанет перед нами!

Будем же с верою работать, польем потом головешки сгоревшей России, и чудо будет. „Россия была, России нет, но Россия будет“ и все снова станет изумрудно зелено, когда взойдет солнце знания и озарит исстрадавшийся народ.

Будем же любить свой народ настоящей любовью, докажем ему нашу любовь, наше место в народе,—только в нас его будущее. Поэтому отбросим в сторону нашу мечтательность, леность, будем железными, крепкими, ибо надо ковать Россию, и не место сейчас сахарно-сладким словам!

Москва, 2-го июля 1918.

Ф. Канаев.

Воспитание молодежи на Филиппинских островах.

Последовательность всемирной войны всюду введет „принцип действия“, а именно: приспособление средств к практической организации, основанной на опыте, а не на отвлеченных принципах и старых отживших традициях. Для исправления потерь, причиненных продолжительным разрушением, и для устойчивости под натиском экономической борьбы после войны, необходимо оценить до сих пор невоюющие страны. Повсюду станет необходимой совместная работа с туземцами, и результат будет большей частью зависеть от действия воспитательных методов.

В конце XIX века Англия и Франция, придавая слишком большое значение книжному образованию, допустили в этом отношении в своей колониальной политике большие ошибки. В то время Соединенные Штаты не имели колоний, но американцам необходимо было разрешить проблему о способности различных рас к ассимиляции. Успехи, достигнутые благодаря этим самым методам их миссионерами в Китае, совершенно изменили старый идеал пропаганды британских миссий. Достойными внимания являются также и действия их на Филиппинских островах.

Характеристикой воспитательной работы американцев на Филиппинских островах является их профессиональное воспитание. Нигде это не происходит в таком систематическом методе, как здесь, и достойная восхищения работа американцев о туземном образовании заслуживает тщательного изучения. Американцы, повидимому, почти что разрешили эту трудную проблему, а именно: как воспитать туземцев, чтобы они не были черезчур учеными и чтобы они не слишком увеличивали число торговцев, неспособных, вредных и недовольных.

В настоящее время министерство воспитания заботится о правильном выполнении подразделенной на классы программы профессионального образования, вполне гармонирующей с надобностью филиппинского общества. Фактически американцы подготовляют филиппинскую молодежь самым практическим образом к домашним и торгово-промышленным занятиям.

Население Филиппинских островов равно приблизительно восьми миллионам, из которых больше полумиллиона воспитаны в низших и средних школах под контролем министерства воспитания. Дети поступают в низшую школу семи лет и проходят четыре класса. В первом классе занятия продолжаются четыре с половиной часа ежедневно, а в остальных—по пять часов. Четверть всего учебного времени тратится, главным образом, на обучение шитью и тканью. Филиппинские острова богаты волокнистыми растениями: папоротниками, злаками, бамбуком и т. д. Растения эти полезны для безчисленного множества целей—от постройки дома и до производства одежды. В министерстве воспитания вывешен большой лист, подробно описывающий эти растения, способ приготовления и пользования ими. В министерстве находится также и музей, в котором выставлены образцы прелестных карзинок, сплетенных восьми—девятилетними детьми.

Окончив низшую школу, большинство детей (11-ти лет) поступает в одну из средних школ. Здесь уже каждый выбирает свою специальность. Такой ранний выбор специальности оправдывается местными условиями. Если бы выбор был отсрочен, то дети, окончив школу, не имели бы специальной подготовки, давшей им возможность полезно работать при скромных условиях, предназначенных большинству из них. В средней школе существует шесть отделов: общее воспитание, подготовка на учительскую должность, земледелие, торговля, домашняя работа (хозяйство) и коммерческое дело. Конечно, не каждая школа имеет шесть названных отделов, но 278 средних школ так расположены на островах, что учащийся совершенно не стеснен в выборе.

В отделе общего воспитания четверть всего времени предназначена для ручной работы. Первый год мальчики обучаются выделыванию рогож и ручному тканью, второй год—садоводству, а третий—столярничеству и плотничеству. В продолжении этих же трех лет девочки обучаются хозяйству. Здесь также министерство воспитания помогает учителям и учащимся. Оно издает книги по садоводству, хозяйству, столярничеству и плотничеству, где, кроме превосходных советов учащимся, сообщается о росте внутренней промышленности.

В ремесленном отделе большое значение придают черчению, и мальчики ежедневно проводят два—три часа в мастерских. Они занимаются производством мебели из красного дерева, чинят автомобили, плотничают, столярничают, исправляют машины, замки и т. д.

Ограниченное число учащихся переходит из средних в высшие учебные заведения. Таких существует 44, но лишь 16 из них можно кончить в течение четырех лет. Другие учащиеся проводят два или три года в средней школе, а затем поступают в высшее коммерческое училище, в сельско-хозяйственный институт и т. д.

Вся эта система построена очень рационально. Министерство воспитания будет, конечно, по мере надобности открывать еще учебные заведения. Во всех этих школах обучение происходит на английском языке; иностранным языкам обучают лишь в высших учебных заведениях, но и здесь число молодежи, изучающ й иностранный язык, очень незначительно.

Более чем 10.000 учителей занимаются воспитательной деятельностью, и 94% из них происходят из туземцев Филиппинских островов. На учебное дело тратится ежегодно 35 миллионов франков. В Индии, где население в 30 раз больше, Англия тратит (расходует) на ту же самую цель лишь 125 миллионов франков ежегодно.

Перевел из швейцарского журнала „Esperanto“

Григорий Розенблат.

Афоризмы и мысли А. М. Х

Счастье—мгновенье.
Блеск—час.
Слава—день.
Труд—вечность.

Порыв страсти сильней вежливости и быстрого рассудка.

Музыка, это—руль человеческой души.

Любовь и справедливость, это—дивная гармония души.

Как правда не сильна, все же она находится во власти разсудка.

Музыка, это—благородная сторона человеческой души.

Часто человек не замечает своего счастья, которое всегда лежит закрытым крышкой души своей.

У любви есть корень: это—искренность; он и безценна.

Жизнь молодежи.

После первой революции 1905 года среди учащихся средней школы родилось и жило стремление к самоопределению и к устройству организаций, кружков, клубов и т. п.

Невыносимые политические условия отражались на школе и на учащихся так же тяжело, если даже не более, как и на других сторонах русской жизни и общественности, и не могли не препятствовать свободному умственному развитию учащихся. Репрессии, во всевозможных вариантах так и сыпались на непокорную молодежь, пробовавшую переступать наложенные запреты и соединяться для различных целей, порою самых безобидных.

Общие условия жизни содействовали правительству в его гонениях на школу и учащихся. Так, например, русское учительство, если не все в целом, то, по крайней мере, большая его часть, не оказалось на высоте своего положения. Учительство почти всегда поддерживало власть в ее столкновениях с учащейся молодежью.

Каждый учащийся последних классов, порывшись в своих воспоминаниях, несомненно, найдет ряд случаев, подтверждающих это.

Мы не обвиняем всецело в этом учителей, мы знаем, что у них не было другого выхода, что не их добрая воля, а тяжелая жизнь и борьба за существование заставили их так поступать.

Но, несмотря на все неблагоприятные для молодежи условия, правительству не удалось задавить светлых и бодрых проблесков самосознания учащихся. Если легально, при школах, позволялось устраивать лишь любительские труппы, то нелегально, на частных квартирах, у кого-нибудь из товарищей зарождались и развивались литературные и политические кружки и сообщества. Такие кружки иногда существовали по несколько лет. Случалось, о них доносили полиции,—тогда строгая кара ждала участников этих обществ: их исключали из учебных заведений и даже ссылали, не считаясь с тем, что „преступники“ были в возрасте 16—18 лет!

Достаточно вспомнить дело Витмеровцев, кончившееся, как известно, ссылкой и заключением в тюрьму учащихся, чтобы наглядно представить себе общее положение школы в период 1910—1914 годов.

Но, мы повторяем, ни административные кары, ни исключение из учебных заведений не смогли отбить у молодежи охоты и желания об'единяться и посильно работать для борьбы за свободу и благо России.

Последствия разразившейся в 1914 году тяжелой войны значительно содействовали учащимся в борьбе за их права.

Уже в августе 1915 года, т.-е. через год по об'явлении войны, после знаменитаго галицийскаго отступления и беженскаго потока, царское правительство вынуждено было обратиться за помощью к обществу и позволить расширение поля действий Городского и Земского союзов.

Одним из первых дел этих союзов была организация молодежи,—молодежи не только студенческой, но также и школьной; организация сначала лишь с очень скромными задачами, а именно: с целью оказания помощи беженцам и раненым воинам.

Первый шаг был сделан.

Под прикрытием Земского союза, учащимся позволили собираться, а они, естественно, не могли, да и не хотели ограничиваться узкими рамками филантропии. На их собраниях очень часто обсуждались вопросы, не имевшие никакого отношения к благотворительности, а именно: вопросы общественные и политические.

Новое поколение учащихся получало подготовку к своей будущей деятельности, и можно только пожалеть, что число работников Земской организации было сравнительно невелико.

Но вот совершилась долгожданная революция. Казалось, все ученические об'единения должны пышно расцвести. Действительно так и было, но только первое время. Появилась масса новых организаций. Кроме вышеуказанной Земской (организации по преимуществу буржуазной), возникло их столько, что отличались они одна от другой иногда лишь днем своего образования. Так, были организации „1-го апреля“, „8-го апреля“, „февральская“, „майская“, „социалистическая,“ „коммерческих училищ“ и еще много, много других.

Одни из них образовались по принципу представительности, хотя почти нигде принцип этот строго не соблюдался; другие были простыми союзами учащихся.

Все эти об'единения так же быстро распались, как и возникли. Из всех организаций наиболее прочными оказались Земская и Социалистическая, что следует приписать наиболее подготовленному кадру их работников, но и они просуществовали лишь до октября—ноября 1917 года.

Имеющиеся у нас сведения из провинции дорисовывают ту же безотрадную картину. Счастливое исключение составляют лишь маленькие города с небольшим числом учащихся.

Чем же вызвано столь плачевное состояние ученических организаций?

Нам кажется, причиной является только полная незаинтересованность учащейся массы в своих же собственных учреждениях.

В апреле и сентябре 1917 года повсеместно были выбраны делегаты в Центральную Организацию. Так как во многих учебных заведениях не было об'единений учащихся, то эти делегаты оказались, по большей части, оторванными от среды, их выбравшей.

Вина лежит всецело на делегатах. Обладая известным авторитетом, они, без сомнения, могли бы организовать на местах советы и комитеты учащихся. Но они этого не сделали. Более того: работая в центре, они ничего не сделали для привлечения к работе учащейся массы, а в некоторых случаях даже не допускали работать не-делегатов!

Все это было бы поправимо, если бы делегаты хоть что-нибудь создали. Работа делегатских собраний выразилась лишь в принятии ряда политических резолюций и пожеланий. Правда, по утверждению самих организаций („Перед Рассветом“, издание О. У. С. У. З.) были устроены кооперативы и книжные лавки, но адреса этих учреждений или не были известны в школьной среде, или же в них ничего не оказывалось.

Следствием явилось полное безразличие молодежи к своим организациям, дошедшее до отрицания и нежелания всякой самодеятельности.

На очереди стоит полное переустройство союзов молодежи в крупных городах (кое-где оно уже началось). Необходимо устроить „дома юношества“, организацию которых могут взять на себя частные кружки юношества. Право входа и работы в этих новых об'единениях будет правом и достоянием всей молодежи.

И только этим можно спасти молодую Россию от начинающейся реакции,—реакции грозящей повторением 1907—1910 годов,—и направить молодежь к светлой будущей жизни.

М. Т.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Редакция „Жизни и Творчества Русской Молодежи“, сочувствуя вышесказанной идее, берет на себя почин в деле организации в Москве союзов молодежи и просит всех сочувствующих этой идее прислать свои адреса.

Редакция.

Новые формы школьного самоуправления.

В середине мая в одной из московских газет был напечатан интересный проэкт о школьном самоуправлении.

По проэкту во главе Учебного Заведения стоит Учебный Совет, состоящий в равном числе из педагогов, учащихся и родителей. Совет делится на несколько секций, при чем в некоторые из них входят с правом решающего голоса и представители низших служащих. Секции предвидятся следующие:

1) Учебно-воспитательная, заведующая постановкой и методами преподавания и воспитания.

2) Административная, в ведение которой входит администрация школы.

К вышеуказанным двум секциям переходит большинство функций Педагогического Совета.

и 3) Хозяйственная ведущая школьное хозяйство; к этим трем основным секциям, по постановлению Учебного Совета могут прибавляться еще и другие. Не лишние также будутъ секции по внешкольному воспитанию, по развитию в учащихся самодеятельности и по их эстетическому образованию. Общие собрание Учебного Совета один раз в месяц и собрания секций по мере надобности. Представители учащихся имеют в Учебном Совете право решающего голоса. Должности директора и инспектора упраздняются, а их обязанности исполняют председатели Совета и его секции. Педагогические советы и родительские комитеты не являются обязательными для учебного заведения. Таков в общих чертах проэкт.

Необходимость реформы школьного дела настоятельно ощущалась всеми, имевшими хотя бы некоторое соприкосновение со школой. В условиях дореволюционной жизни эта реформа конечно не могла быть осуществима; но почти с первых же дней революци был предпринят ряд

шагов в этом направлении. Несколько съездов и организаций вынесли резолюции и ореформе, и даже наметили план ее.

Но ненормальная деятельность школ, с одной стороны, и общее тревожное политическое положение помешали планомерному проведению ее в жизнь. К сожалению деятельность организаций, работающих для школы не всегда согласована, следствием сего являются некоторые дефекты. Из за отсутствия центрального органа регулирующего школьную реформу некоторые резолюции и постановления не всегда достигают цели.

Переходя к вышеприведенному проэкту следует остановиться на Учебном Совете, который будет являться главным центром и властью учебного заведения и заменить собою педагогический совет и родительский комитет.

Свобода школы и единение учащихся, педагогов и родителей вот два основных требования школьной реформы. А к удовлетворению этих требований очень близко подходит Учебный Совет. В нем скажется на деле единение учителей учащихся и родителей, и одновременно, представляя все учебное заведение, он будет более авторитетен, чем отдельные школьные организации в роде родительских педагогических конференций и ученического представительства.

Учебный Совет, являясь единственным хозяином школы, будет вполне самостоятелен и не будет находиться в зависимости от министерств и учебных округов. Благодаря этому создастся более удобная атмосфера преподавания. Как известно, даже в еще самое недавнее время, преподаватель не только не мог самовольно изменять программу, хотя бы она и была совершенно устарелой, но даже не был в состоянии преподавать по учебникам, не подписанным из министерства. Учебный Совет сумеет также самостоятельно определять время роспуска на каникулы, срок их; назначать или отменять экзамены, несмотря на распоряжения свыше, а лишь считаясь с требованиями жизни и местными условиями.

Конечно, проэкт организации Учебного Совета не является идеальным, но все же он один из лучших.

М. Т.

Рис. Г. Розенблата.

Письмо к сыну.

К рисунку Г. Розенблат.

Крепко сжимая непослушное перо непривычными пальцами и с трудом выводя крупные буквы, пишет старуха-мать письмо к сыну...

Не часто приходится ей иметь дело с пером и чернилами; не привыкли ее грубые руки к этой деликатной работе, и даже самый стол, на котором она сейчас пишет, совсем не приспособлен для письменных занятий. Но ее великая любовь к своему „мальчику“, который вот уже несколько лет живет вдали от нее, в далеком, большом городе, руководит ею в этом чуждом, непривычном для нее деле и заставляет ее охотно и любовно изображать вкривь и вкось крупные буквы письма.

Но думает ли он о ней?... Пишет ли он ей, более опытный в этом деле, более „ученый“. Среди новых знакомых и привязанностей, может быть, он и думать-то о своей матери позабыл, и крупные буквы ее письма так и не дойдут до его сердца.

Григорий Розенблат.

ЭСПЕРАНТО.

Международный вспомогательный язык Эсперанто.

Мысль о необходимости международного языка уже давно была осознана человечеством. С тех пор, как оно стало жить исторической жизнью, оно говорило на разных языках. В древние и средние века это обстоятельство не имело особого значения, так как народы тех времен не нуждались в сношениях с соседними народами. Причиной являлись дальность и непроходимость разстояний, опасность путей сообщения и, главным образом, натуральный способ хозяйствования.

Лучшие умы VIII и половины XIX веков стремились к созданию международного языка, но из-за общих условий эта идея была утопией, ибо историческая жизнь народов тогда еще не освободилась от феодального налета, капитал, могучий фактор об'единения, не начинал еще своего натиска на изолированные одна от другой области общественной жизни.

Но с середины XIX века, века развития торговли, международные сношения выступают на первое место.

Сначала они захватывают небольшой круг лиц, но с течением времени круг этот все увеличивается и увеличивается и, наконец, в XX веке захватывает буквально весь мир.

Все области мировой жизни международны. Так, например, наука международна; музыка и искусство международны; торговля и право международны; техника, пути сообщения, способы производства, продукты потребления международны; классовая борьба, общественные движения и революции также международны.

Жизнь международна! Перегородки между отдельными нациями падают и рассыпаются, народы переступают через них. Главнейшие препятствия к международным сношениям пропадают. Дальность расстояний и опасность путей сообщения более не существует, и, наконец, период замкнутого домашнего хозяйства и самодовлеющего городского заменился периодом мирового, международного хозяйства.

Осталось только одно непревзойденное препятствие—отсутствие международного языка. Очевидно, что ни один из национальных языков, не может претендовать на значение международного. Узкий национализм и принцип самосохранения не позволят ни одному народу принять за международный язык другого народа, ибо нация избранного языка получит слишком много преимуществ в духовной, политической и экономической жизни мира, и все остальные народы вынуждены будут преклонить перед ней свои знамена. Современное соперничество наций в области политики или торговли представляет в то же время борьбу национальных языков за преобладание в той или иной области государственного влияния, ибо язык представляет собой могучее орудие культурного подчинения и угнетения.

Международным языком также не может быть никакой-либо древний язык, вследствие его отсталой грамматики и еще более отсталого словаря, делающих невозможным разговор на них на современные темы.

Остается только один путь, а именно: создание международного искусственного языка. Правильность подобного пути подтверждается такими мировыми авторитетами, как Вольтер, Монтескьё, Лейбниц, Декарт, Бэкон, Паскаль, Ренан и мн. другими. Некоторые из них сами делали попытки изобрести международный язык, но неудачно, так как они пытались сочинить его целиком искусственным путем, без отношения его к живым языкам. Так были, созданы рациональный арифметический язык, философский, католический и т. п.

Первым языком, правильным теоретически и имевшим головокружительный успех, был „Воляпюк“ (1880 г.). Язык этот, завоевавший себе сразу громадную популярность и тысячи приверженцев, был создан по принципу международности. Но автор его, аббат Шлейер, переусердствовал и перерабатал корни по этому принципу до неузнаваемости, следствием чего явилась невероятная трудность, трудность, доходившая до невозможности из'ясняться без словаря в руке. Из за этой трудности и погиб „Воляпюк“, а вместе с ним погибла на время и идея международного языка.

Но вот в 1887 году из-под пера д-ра Замнегофа вышла небольшая брошюра „О международном языке“, давшая блестящее и единственноверное решение проблемы о вспомогательном международном языке и положившая начало обмену, журналистике и литературе на новом языке Эсперанто. С тех пор прошел 31 год. Сам автор языка уже умер, но его дело не заглохло и с каждым

годом разрастается все более и более. В настоящее время имеется более 2000 всевозможных эсперантских О-в, издается более 200 газет и журналов и около 3000000 эсперантистов, рассеянных по всем странам мира. Многие международные конгрессы высказались за допущение его в качестве официального языка конгресса. Во многих государствах он введен в школы.

Международный язык Эсперанто обязан своим успехом, во-первых, необходимости его, а, во-вторых, легкости, гибкости и благозвучности. В Эсперанто нет ни громадного количества правил и форм, ни исключений из правил, ни неправильных глаголов, ни громадного словаря; в нем отсутствуют одинаковые слова разного смысла и разные слова одинакового смысла, в нем нет длинных и трудно читаемых слов. Кроме того, Эсперанто является наиболее музыкальным языком в мире. Стихотворные переводы на нем сохраняют настроение оригинала. По отзыву известного шекспириста А. И. Кремлева эсперантский перевод „Гамлета“ является лучшим как по духу, так и по содержанию.

Последнее время русская педагогия жалуется, что молодежь, слишком занятая другими науками, не так хорошо знает, говорит и пишет на своем языке,

Фот. Н. Маркова.

Турция. Эрзерум.

что молодежь портит язык благодаря своей неопытности и недостаточной практике. Может быть, эти жалобы преувеличены, однако, существуют причины для жалоб. Легко понять, что эти причины лежат в необычном развитии наук, в необходимости учиться возможно большему числу живых языков, — следовательно, в перегрузке учебной программы.

Так как продолжительность жизни не растет одновременно, учащиеся вынуждены или совсем забросить или же поверхностно заниматься какими-нибудь предметами, и волей-неволей изучение родного языка теряет то, что тратится на другие науки. Во всех случаях, когда живые языки изучаются для практической пользы, Эсперанто почти всегда способно заменить их. Эта замена была бы очень выгодна и для родного языка. Эсперанто помогает, подобно латинскому, сделать мысль ясной, приучает ее к внутреннему строению языка, научает философии и лингвистики и, благодаря интернациональности своего словаря, облегчает изучение иностранных языков. Следовательно, можно констатировать, что замена иностранных языков языком Эсперанто разгрузила бы программы наших школ и была бы полезна для других более нужных занятий, в особенности — для изучения родного языка.

М. Т.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

УВЕДИ.

Н. Е.

Уведи ты меня из проклятых ночей,
Оборви мои цепи и тягу креста..
Освети огневою лампадой своей
Мне дорогу в далеко-родные места.
Здесь созвучья бегут, о каменья звеня.
Без любви и страстей здесь людские сердца..
Звон металла дороже им песен огня;
Им насилья жрецы заменяют певца.
Я давно им не люб за лохмотья одежд,
За любовь, за порывы к далеким звездам.
Полон слез я от смеха счастливых невежд,
От безумной тоски по великим богам...
Мой суровый девиз: „быть иль всем иль нигде“.

Буйный парус, гонимый проклятьями бурь...
Я под ними ношусь, чтоб погибнуть совсем.
Иль метнуться из тьмы в огневую лазурь...
С бледно-хмурых небес осень плачет дождем;
Затерялся безследно в хаосе мой путь.
Из рыдающей мглы хоть раздался бы гром
И разбил навсегда озлобленную грудь...
Уведи-ж ты меня из проклятых ночей,
Оборви мои цепи и тягу креста;
Освети огневою лампадой своей
Мне дорогу в далеко-родные места.

П. Корелин.

НИЧТОЖНЫЕ.

(Этюд).

1.

Была Буря—грозная, страшная... Я шел дремучим лесом. Мраком окутало его. Высокие, грациозно тянувшиеся в высь березки, под напором порывистого Ветра, сильно раскачивались из стороны в сторону, словно бы предвещая какое-то неотвратимое зло.

Вот скрипнула одна из них и застонала:

— Ой, ой! Вот оно, Зло-то, пришло!..

Скрипнула еще сильнее и упала. За нею повалилась другая, третья, четвертая... много их, бедненьких, не выдержало напора бурной Стихии...

Люди все спасливо бежали. Их пугала черная туча, заслонившая синеголубое небо, которое дарило им теплую ласку, радостную улыбку.

Бежали они без оглядки. Их страх мне был понятен, но тем не менее они казались мне жалкими и ничтожными.

„Куда вы бежите“?—кричало у меня в душе: „Остановитесь, смотрите, сколько красоты, сколько прелести в этой бурной Стихии, в ея непреодолимой силе, в ее упоительной мелодии! Остановитесь, жалкие, трусливые!“...

Но бежавшие не слышали, не чувствовали этого крика...

Кончился лес, потянулось поле...

Ворот рубахи у меня был растегнут, и в обнаженную грудь мою ударялись крупные капли теплого Дождя, гонимого ураганным Ветром.

А люди продолжали бежать, ежась и кутаясь...

Они боялись гнева Стихии, боялись ласк порывистого Ветра, боялись любви дождевых капель.

А капли эти и Ветер окрыляли мои мечты, мои грезы, подымая в глубине моей души пламенный восторг и ликование.

Хотелось подняться и закружиться в вихре Стихии, хотелось ласкать и любить. Но ласкать и любить не тех, что бегут от чарующей красоты Стихии и захватывающей мелодии ее.

О, мучился бы тот, кого бы я стал ласкать! Мои ласки мучительны, порывисты.

Умер бы тот, кого бы я полюбил! Моя любовь коротка: вспыхнув раз, она скоро погаснет—и навсегда, унеся с собою и любовь того, к кому она вспыхнула.

Я хочу ласкать Сильное, Храброе, Могучее! Хочу любить не Жалкое, не Ничтожное!

Ах, где же храброе и неничтожное!? Где?.. Откликнись! Иди ко мне!..

Кругом тихо. Буря пронеслась. Лес утих. Земля высохла. Скрылась красота дивная Стихии могучей, замерла ее мелодия захватывающая, остыли ее ласки теплые, погасла ее любовь жгучая..

И жалкие люди не бегут уже, не прячутся. Они... гуляют, поют... о красоте, о ласке, о любви...

О какой? Не о той ли, от коей только что бежали они?

О, нет!

Красота для них—спящая Стихия, бесцветность; ласка для них — пустые слова, полные сентиментальностей и слащавой приторности; любовь у них—похотливая страсть с лживой претенденцией на идейность.

О, жалкие, ничтожные!

Но тем не менее они претендуют на... достоинство! У них появилась и гордость, и мужественность, и широкого размаха воля...

Понаблюдайте за ними!

И еще более жалкими и ничтожными покажутся они в своем мнимом величии.

Смотреть не могу на них! Противны они мне! Жалкие, ничтожные!

Бегу от них! Прячусь от них!

2.

— Я знаю, о чем ты думаешь.

Кто это?.. Смотрю—возле меня стоит маленькая белая женщина. Вся фигура ее дышала чем-то хрупким, слабым. Она невольно вызывала к себе жалость.

Интересно, о чем же я думал?

— О жалких ничтожных.

— Ну, и чтоже дальше?

— А то, что ы неправильно судишь о них.

— Ну?

— Я—заступница за тех, о ком ты думал и которых осуждал. Ты восхищаешься стихийностью Природы. Да, я не хочу отрицать ее красоты и ее силы, но эта сила губительна, смертельна. Когда ты шел лесом,—видел, сколько погибло в нем березок? И боязнь тех, коих ты осуждаешь и хулишь, вполне оправдываема. Ты восторгаешься ласками и красотою Стихии, но зачем кому бы то ни было эти ласки и эта красота, если за них приходится жертвовать своею жизнью?

— О, жалкие! Как вы дорожите своею жизнью! Да настоящею ли *жизнью*—сильною, мужественною, полною творчества, понимания красоты? Нет,—*куриною жизнью*!.. Стихия уступает мужеству, но не щадит слабости и трусости. Те березки, что не выдержали натиска Бури, и сломались, похожи на людей с ничтожною душою, трусливых. Это—плевелы, сорная трава. Как эта трава руками человека вырывается с овощных грядок, так и все ничтожное и ненужное, в чем бы оно не выявлялось, вырывается не только Стихией, но и Жизнью..

Маленькая белая женщина сделалась еще более жалкою, и чувство легкого пренебрежения к ней усугублялось взятою ею на себя ролью защитницы.

— Но.. но... и слабые духом также хотят жить, пользоваться правами жизни.

— Не жить,—перебил я,—а прозябать, и—верно вы сказали—пользоваться, *только пользоваться* правами жизни. Но для того, чтобы пользоваться этими правами, нужно создать эти права, заслужить их, дать что-либо для жизни, а люди прозябающие на это неспособны.

— Ты жестокий, безсердечный!—досадливо бросила белая женщина и... разсеялась..

Что принесла ничтожным защита их этой женщиной?

Принесла лишь то, что к усилившемуся презрению прибавилась еще жалость, сильная жалость к ним.

Не знаю, как отнесутся к этому жалкие и ничтожные, но для меня лично легче переносить презрение, нежели быть об'ектом жалости!

Михаил Черных.

Из сборника „Месяц бледный“.

Придешь ли ты ко мне,
далекий, тайный друг.
Ѳ. Сологуб.

Каждый день я тебя вспоминаю
Каждый день и по нескольку раз,
Но напрасно я встретить желаю
Твой грустящий, задумчивый глаз.
Я безцельно брожу вечерами
И гляжу на осколок Луны.
Я рисую твой образ словами
Прислонясь у холодной стены.
Я стараюсь вглядеться в прохожих
И сравнить тебя с кем-то из них.
Но не встретил я даже похожих
Никого. Вечер тепел и тих.
Я сажусь отдохнуть на бульваре—
Подышать, погрустить, помечтать...
Снова дни промелькнут как в угаре,
Но придется-ль тебя увидать.
Подожду, потомлюсь, потоскую
И ненужный почти никому,
Я встречаю зарю золотую,
Золотую в туманном дыму.

Москва—1918, май.

Анатолий Вашков.

Душа и сердце.

Душа и сердце—одно и то же.
Всего на свете они дороже
Мне.

Во сне усталом мне раз приснилось:
Душа рыдала и сердце билось
Вне.

Весь мир стал сказкой моей поэмы.
Уста же были мертвы и немы...
Сон.

Виденьем быстрым в душе промчался—
И с уст из сердца опять сорвался
Стон

Н. Некрасов.

В саду.

Вот—калитка растворенная,
В сад дорожка предо мной,
Столик, лавка покривленная
За решетчатой стеной.

Стены в зелени кудрявой,—
Вьется дикий виноград;
Куст жасмина, что направо,
Разливает аромат.

Тень, прохлада, тишина
Под густой листвой...
Побродить люблю одна
С сладкою мечтой

Или с книгой на скамье
Все забыть на свете,
И, очнувшись в полутьме,
Тихий вечер встретить.

Е. Горлова.

I.

Был дождливый осенний вечер. Было холодно, сумрачно, неприглядно. Прохожих никого не было, никому не хотелось выходить на улицу в такой неприглядный вечер; только длинной, т... ной вереницей шли рабочие с зав... Маленькая кучка людей отделилась ... остальных и, дойдя до угла, остановил...

— Ну, так значит, в воскресен...— проговорил один из них.

— Да, значит, в воскресенье, ...щай,—ответили два другие.

— Где собираться-то,—у Долг... что-ли?

— Да, там; скажите и Донцову, ... бы приходил. А наши-то, наши-то ...ся,—проговорил первый.—Прощайте...

Он пошел в переулок, через неск...ко минут по грязной, узкой лестн... себе на квартиру. Это был пожилой ...чина, лет 40, среднего роста, пло... коренастый, с маленькой, черной ...дой, с поседевшими волосами, с ...

„Ну, так значит, в воскресенье“—проговорил один из них.

ми глазами. Как-то странно глядели эти небольшие, черные глаза. Как-то сурово, пристально и вместе с тем мягко, ласково. Делалось хорошо на душе от этого доброго, ласкового взгляда. Это был рабочий кожевенного завода Семен Матвеев. Он совершенно не знал своей матери,—она умерла тотчас же по появлении его на свет Божий.

Отец его был такой же рабочий, как и он сам. С семи часов утра уходил его

Портрет актрисы А. К. Галлинг.

Рис. А. Манкова.

отец на работу, оставляя маленького трехлетнего Сеньку под надзором 10-ти летнего сына квартирной хозяйки, Васютки.

— Смотри, Васютка, не ходи никуда. Я тебе за то такого гостинца принесу.

— Ладно, дяденька Петрович, ладно,—соглашался Васютка. Но через час резвому мальчугану надоедало сидеть с Сенькой, и он убегал на двор играть с мальчишками „в бабки“. Сенька тем временем ходил или, вернее, ползал по крошечной сырой каморке, заглядывал в кухню, собирая там со стола, с пола, и даже не брезговал из лоханки, таская оттуда головы селедки или корки хлеба. Нередко Сенькина нянька, Васютка, прибегая, заставала Сеньку на полу, кашлявшего и давившегося какой-нибудь костью или коркой. В полдень приходил Петрович, заваривал в трактире „чайку“ и усаживался вместе с сыном есть капусту и пить чай с ситным. Это был их обед. Потом Петрович снова уходил на работу до вечера, а вечером приходил усталый, измученный, брал Сеньку на колени, играл с ним, целовал его, а случались даже минуты, когда и плакал, обнимая мальчика. А Сенька был слабый, больной, тщедушный ребенок, с большой головой и животом, маленькими и тоненькими ручками и ножками, большими, мутными глазами.

Так дожил Сенька до шести лет; он стал поправляться, вырос, как вдруг, однажды вечером, Петрович пришел с работы не один, а с какой-то девушкой лет двадцати трех, веселой, полной, с ясными голубыми глазами.

— Вот, Сенька, это будет твоя мамка. Слышь, Сенька?—проговорил отец, указывая на девушку.—Садись, Маша, чтож стоишь,—он подвинул девушке табуретку.

— Мамка!—проговорил Сенька с изумлением. Он часто слышал, как его сверстники-мальчишки говорили „мамка“, „вон идет твоя мать“ или „тебя мать кличет“.

Но Сенька даже и не думал, чтобы когда-нибудь и у него была мать. Во всю свою жизнь он ни разу не говорил слово „мамка“ и не думал, чтобы у него так же, как и у других, могла быть мамка—и вдруг тятька приходит и говорит:

— Вот, Сенька,—твоя мамка.

Сенька посмотрел на девушку. „Наверное, она хорошая, моя мамка“,—подумал он. Через несколько недель сыграли свадьбу, после чего Маша поселилась у них в комнатке. Она работала там же, где ея муж, и поэтому Сенька опять оставался без призора, но теперь было все же лучше. Он был уже большой и потом по праздникам у них был обед: щи с грибами и пироги с кашею, а „мамка“ надевала Сеньке чистую, розовую рубашку, помадила ему волосы, умывала его; они все ходили гулять по городу—и так было весело и хорошо.

А как только Сеньке минуло восемь лет, Петрович отдал его в школу учиться грамоте. И вот стал Сенька учиться,

„Вот, Сенька, это будет твоя мамка. Слышь, Сенька?“—проговорил отец, указывая на девушку.

но скучно было ему сидеть в училище и слушать скучные уроки. Плохо подвигалось Сенькино ученье, с трудом переходил он из класса в класс и двенадцати лет кончил ученье. Он вырос, пополнел, любил помогать отцу в его работе, ходил матери за водою, любил гулять, играть. Петрович купил сыну канарейку, которую Сенька поместил в клетке, привесив последнюю к окошку.

Он очень полюбил свою канарейку, ходил за нею день и ночь, и надо было видеть, какой восторженной была его физиономия, когда канарейка пела. А когда наступило Благовещение, когда все выпускают птичек на волю, Сенька, хотя и долго плакал после по своей птичке, сходил в ближнюю рощу и выпустил канарейку на волю. Но не все же время было гулять Сеньке. Пора и за дело приниматься. Вот и определил отец Сеньку к себе на завод. Стал Сенька точать ремешки да колодки. Прожил он так зиму, а там стал отец замечать, что это Сенька с лица спадает вроде, а когда спросил у Сеньки, что это с ним сталось, Сенька ответил:

— Не знаю, тятька. Тоска меня одолела.

Призадумался Петрович, что это с сыном сталось. Пошли раз все они в гости в воскресенье к одному товарищу Петровича, рабочему; увидал там Сенька книжку какую-то, да и давай читать. Сказка была какая-то, да уж больно занятная.—Как там про царей да принцев то все описано,—тоже подумаешь. Нынь

ты,—думал Сенька и попросил у хозяина книжечку почитать.

— Ишь ты,—ухмыльнулся Петрович, глядя на сына,—книжка понравилась.

А Сенька, как пришел домой, давай опять книжку читать вслух отцу с матерью.

— Ишь,—опять ухмыльнулся Петрович,—как пишут то, ин как правда. И кто это пишет-то,—только подумаешь?

— Кто, знамо кто,—деловито отвечал Сенька,—ученые пишут.

Стал Сенька эту книжку читать, третий раз прочел, четвертый, пока не знал хорошо наизусть всю сказку. А потом захотелось Сеньке еще книжек. Да где ж их взять-то?

Стал Сенька приставать к отцу, чтобы книжек раздобыл. Чудно стало Петровичу, что сыну так хочется читать, а все-таки пр. задумался, где бы достать их.

— Чтож,—думал он,—найду ему книжки, чай не баловство какое, книжки не помешают делу. Пусть займется парень,—в роде удовольствия ему будет. Надо и ему повеселиться. Чай, не маленький, пятнадцатый год, другие парни в кабак ходят, папиросы курят, а он парень тихий, хороший. И через некоторое время Петрович достал Сеньке из заводской библиотеки книжки. С тех пор стал Сенька на заводе книжки брать. Много книг прочел он, много хорошего и нового узнал он. Узнал он, что не только довольны люди бывают, когда у них есть пища да одежда, не только довольны они всем этим, а чего-то страдают они, мучаются. Узнал Сенька и про то, что если человек богатый, а другой бедный, то богатый должен помогать бедному. Узнал Сенька, что есть на свете такие науки и о звездах, и о солнце, и даже о земле самой, где все говорится, узнал он, что иные люди только и занимаются тем, что картинки пишут, и захотелось Сеньке посмотреть эти картинки и все это. Пристрастился он к книжкам, стал газеты читать. В газете все написано и о том, что делается в других государствах и о государстве,—о всем. Стало это все Сеньке (теперь уже Семену) все интересно, любопытно, записался он в хорошую библиотеку, прочел в газетах о картинной выставке, пошел туда и диву дался, как только вошел. „Человек стоит прямо на стене: ну, прямо живой человек, того и гляди сейчас заговорит“. Стал он посещать разные выставки, библиотеки, лекции, стал интересоваться всем, что делалось вокруг него, интересовался всеми окружающими его людьми, их жизнью, их мыслями. Ему было уже двадцать три года, и теперь он уже не точал ремешки да колодки, а был настоящим шорником-рабочим.

Есть пословица: „молодое растет, старое старится“. Рос Семен, чахла его мачеха, хворала, хворала она, да ближе к Святой-то Господу Богу душу и отдала. А за ней и Петрович месяца через три занемог, занедужился. Позвал Петрович перед смертью сына и сказал ему:

— Чую я, Семен, что не по той дороге пошел ты, как я только не браню, не хулю тебя за это; вижу ничего дурного тебе от этого не приходится. Только слушай мое слово, Семен: женись поскорее. Будешь ты старым (как не женишься), скучно тебе будет, тоска одного одолеет, а будут у тебя жена, дети, так с ними все—и нужду, и горе, и радость,—все вместе будете, все хорошо. А через несколько дней и он последовал за женою. Остался Семен один-одинешенек: нет у него ни родных, никого.

Грустно стало Семену, тоскливо, как увидал он отца своего мертвым, как почувствовал, что дорогое ему существо теперь уже не отец его, не человек, а безмолвное,—безчувственное тело, когда понял он, что навсегда лишился своего отца. Был теплый, осенний день, когда шел он за гробом отца, грустный, подавленный, убитый горем; он шел, ничего не соображая и не сознавая, как вдруг кто-то сзади слегка дернул его за рукав.

Он оглянулся. Перед ним стояла худенькая девочка лет двенадцати, с кудрявыми темными волосами, и смотрела на него грустными, карими глазами.

— Господин хороший, дайте копеечку,—просила она.

Семен опустил руку в карман, но там ничего не оказалось.

— Эх, милая, и хотел я тебе дать, да нет ничего,—он вздохнул и пошел дальше.

Девочка молча, в некотором отдалении шла за ним до самого кладбища, а когда он пошел обратно, она опять все шла за ним, но он ея не видал и только когда подошел к воротам и оглянулся, заметил ее.

— Ну, пойдем ко мне,—сказал он, взбираясь по лестнице в свою опустевшую каморку.

Девочка шла за ним; в дверях она остановилась. Он подал ей ломоть хлеба.

— Ешь скорее и ступай,—проговорил он.

— Я не пойду отсюда,—ответила она и уселась на лавку.

— Как не пойдешь?—удивился Семен,—да ведь это моя комната. Как же так ты не пойдешь?

— А так, не пойду, не хочу и не пойду, мне хорошо здесь.

Семен удивлялся все больше и больше.

— А когда же ты уйдешь-то?

— Никогда,—ответила девочка.

— Как же так никогда; где ты живешь-то?

— Нигде не живу,—говорила девочка, упрямо глядя вниз и жуя хлеб.

— Как же нигде не живешь, где же ты ночуешь?

— Нигде не ночую,—на улице.

— А мать где твоя?

— Нет ее.

— А отец?

— Никого нет.

— Вот тебе и раз! Как же так, как же я то тебя буду держать?

Семен не знал, что делать.

Он прошелся раза два по комнате, одел пальто и вышел.

Когда он вернулся, она все еще сидела, сложив руки на колени.

— Ну, ладно,—сказал он,—пойдем в приют.

— Куда?—спросила она и тут же добавила:

— Никуда не пойду.

— Как никуда—и в приют?

Семен развел в недоумении руками. Что теперь делать только?

Вот беда еще!

— Да как же ты у меня останешься,—ведь я один совсем.

Девочка вдруг сорвалась с места и бросилась перед ним на колени.

— Ну, что же, вот и хорошо, что ты один; я тебе буду все делать, я буду готовить, шить, стирать,—все тебе буду делать,—только я от тебя уж никогда не пойду, никуда.

— Господи, что же делать-то,—думал Семен,—уж прямо, ей-Богу, ум за разум заходит. Оставь ее у себя. Господи! Да что он будет с ней делать-то? Да и жалованье не ахти какое, чтобы лишнего человека держать. Что будешь делать с ней теперь? Жалко девченку. Ну, прокормить-то,—прокормлю. Иль и прямо оставить девочку... Не об'ест. Платьишко куплю ей. Опять как же: можно ли мне ее взять к себе по закону-то?

Семен пошел посоветоваться с товарищами что делать. Разное советовали ему и, в конце-концов, Лиза осталась у него.

Семен ходил на работу. Он работал все время на том же заводе. Работа его была не тяжела, но от кожи, дерева, мази шел страшный запах, воздух был душен. Трудно было дышать, и в такой душной атмосфере приходилось просиживать 10 часов, сидеть согнувшись, сгорбившись. Когда кончалась работа, и Семен выходил на улицу, у него кружилась голова от свежего воздуха. От долгого сидения на одном месте, согнувшись, у него стала болеть грудь, но он не обращал на это внимания и продолжал работать. Он читал по вечерам много книг, ходил на лекции, иногда на лишние деньги покупал билет в театр. Однажды он спросил Лизу: хочет ли она, чтобы он учил ее читать?

— Я умею и читать, и писать,—ответила Лиза.

— Да откуда же ты знаешь, кто тебя учил этому?

— Мой отец учил,—ответила Лиза.

Семен узнал всю биографию девочки. Ея отец был дьяк. Мать свою она помнила очень смутно. Она куда то ушла—ее мать. Жили они с отцом в маленьком городке, в крошечном, сыром домике, жили тихо, спокойно, только отец сначала очень убивался по матери—обидно ему было, что ушла она,—а потом ничего. И грамоте ее отец выучил, и считать, и истории выучил, а потом, летом, отец умер от какой-то болезни, и осталась она одна и, в конце-концов, стала просить милостыню.

Лиза жила уже несколько месяцев у Семена. Она очень привыкла к нему, звала его дядей Сеней, готовила ему обед по утрам, убирала его комнату.

Наступала весна. Все было так ярко, хорошо, свежо, всюду пробуждалась жизнь, а у Семена все чаще и чаще ныла грудь, все сильней и сильней болела спина; он очень похудел, побледнел, и через несколько времени Лиза прибежала на завод за доктором, испуганная, вся в слезах. Семен заболел. Он очень утомился, устал,—это расшатало его здоровье. Его навещали товарищи, давали Лизе денег на расходы, на лекарство, а Лиза только теперь почувствовала, как она любит своего дядю Сеню, она целыми ночами сидела у его постели, со страхом слушая бред больного, терпеливо давала ему лекарство, ухаживала за ним. Она очень похудела и измучилась сама, и когда рабочие приходили, они говорили ей:

— Ты бы, Лиза, легла сама-то, а мы посидим.

Но девочка отказывалась. Она не хотела никому доверять „своего дядю Сеню“, и единственный человек, который мог заменить ее у постели больного Семена, был рабочий Иван Кузьмин. Он был молодой человек, лет двадцати пяти, высокий, белокурый, с умными серыми глазами. Он недавно подружился с Семеном, потому что увидал в нем „своего брата“. Он так же, как и Семен, много читал и даже знал французский язык. Выучился он всему сам по себе, самоучкой. Он почему-то внушал к себе доверие Лизы, только ему одному можно было помочь ей ухаживать за больным.

Семен проболел очень долго, он проболел всю Пасху и весь апрель.

Когда он выздоровел, он пошел опять работать. У него появилось какое-то особое чувство к Лизе, этой маленькой тринадцатилетней девочке. Кроме чувства благодарности за ее заботы о нем, это было еще что-то очень хорошее, что притягивало его к ней, заставляло дорожить ею, и ему казалось, что, не будь теперь Лизы при нем, и он бы не мог уже жить. И когда он сказал об этом Кузьмину, тот сказал:

— Влюбился ты в нее, брат,—вот что.

Семен страшно разсердился на него за это.

— Ну, как тебе не стыдно, Иван,—ответил он ему, и в его голосе прозвучала обида.

Время шло. Наступила осень, потом зима, весна, лето, снова осень и т. д., и прошло так несколько лет. Семен все продолжал работать на заводе.

Лиза выросла, теперь ей было уже девятнадцать лет. Она купила себе машину и теперь шила белье, и деньги эти она смешивала с деньгами Семена, попрежнему готовила обед и убирала комнату, но теперь она уже снимала себе рядом комнату, у хозяйки. Лиза не отличалась особой красотой, но у нее были милые, грустные, темные глаза, хорошие глаза, и их то полюбил Иван Кузьмин. Он все еще продолжал ходить к Семену, все еще был неразлучным его приятелем. Прошло немного времени, и Кузьмин сделал предложение Лизе, но Лиза отказала. Она ни за кого не выйдет замуж, только за Семена, если он ее возьмет. И Семен взял ее, но долго не пришлось ему пожить с Лизой: она, простудившись в дождливую, холодную осень, поболела, помучилась и умерла.

Семен был поражен, ошеломлен смертью жены.

— Господи,—думал он,—за что Ты меня караешь?

Все самые близкие люди умерли, оставили его одного. Редко ходил Семен в церковь, только разве на Пасхе, а теперь пошел. Хорошо ему было стоять, прижавшись к стенке в маленькой церкви. Он даже и не слушал никого,—ни священника, ни певчих,—и не молился; он только плакал, плакал горько, и ему было и грустно, и радостно, и тяжело. Обстановка храма производила на него какое-то притягивающее действие. Прежде никогда не ходил он в церковь, а теперь стал ходить туда каждую субботу. Нравилось ему стоять так, слушать певчих, нравилось стоять в этом полутемном храме, освещенном только маленькими восковыми свечками. Какое-то теплое, хорошее чувство прокрадывалось в его душу. Он чувствовал какую-то особую любовь ко всему и ко всем. Когда он возвращался из церкви, он любил всех людей, ко всему него было теплое, хорошее чувство.

Когда он приходил домой, его никто там не встречал, комната его была мрачна, сыра, он был совсем один, а ему хотелось любви, ласки, горячего, доброго слова, его тянуло на улицу, тянуло к людям, к товарищам, а у товарищей... мало радостного, хорошего в жизни рабочего. Рано начинается день его, встаетъ он с пяти часов утра и трудится до полудня, трудится усердно, тяжко, трудится, глотая пыль, ощущая невыносимый запах, согнувшись, или стоя у печи с воспаленными глазами, обветрившимся лицом. А в двенадцать часов перерыв—обед. Кое-как поедят кой-чего и опять за работу до 7 часов. Опять тяжелый, упорный труд. Все это за несчастные гроши, на которые рабочему с семьей трудно даже прожить, не хватает на хлеб. Приходит такой труженик домой, а там его встречает измученная, исхудалая жена, бледные дети, грязные, косматые, полуголодные, сырая, холодная каморка. Плохая награда за 10-часовой упорный, тяжкий труд. Человек озлобляется, падает духом, ему нет нигде отрады, нигде нет покоя; ему хочется как-нибудь забыться от этой тяжкой жизни, и эту отраду, это забвение рабочий находит в вине. Немногие находят этот отдых в чтении книг, в театре и т. д., как Семен, Иван Кузьмин и др. А начинает рабочий пить,—тут уж и вовсе плохо...

Семен ходил ко всем товарищам. Какой любовью наполнялось его сердце к этим худым, оборванным детям, когда по их бледным лицам промелькала улыбка при виде гостинца, принесенного им, Семеном. Он давал взаймы денег их отцам, помогал их матерям, а по вечерам приходил даже учить детей грамоте. Семен полюбил этих людей всей душой.

Он пошел бы за них в огонь и воду, он тосковал об их плохой жизни, о тяжелом труде, забывая и свою личную тяжелую работу, и одиночество, и печаль, и тоску.

Долго жил так Семен, а потом случайно познакомился с одним студентом, который ввел его в свой кружок; а здесь сколько светлого, нового, хорошего узнал Семен? Его уже стало тянуть к этим студентам и курсисткам, таким славным, хорошим людям, желающим так помочь им, бедным рабочим, добывающим в поте лица хлеб свой..

II.

В Тюхинском переулке, недалеко от университета, в небольшом флигельке жила Ольга Васильевна Долгина с двумя детьми; студентом сыном Александром, юношей лет двадцати трех, белокурым, невысокого роста, с небольшими карими глазами, и дочерью гимназисткой Варей, девочкой шестнадцати лет, высокой, полной, с длинной русой косой. Ольга Васильевна овдовела всего три года назад. Лишившись мужа, она не имела никаких средств к существованию, кроме небольшой пенсии, которую она получала за мужа, да еще сын ее Александр давал уроки и тем зарабатывал кое-какие гроши. Жили они в маленькой квартирке в три комнатки; жить было страшно тяжело, трудно, трудно было обезпечить свой хлеб, квартиру, одежду, да еще Варюша учится в гимназии: за ученье, книги, мало ли чего наберется, на что деньги нужны, а денег то и нет.

Откуда? Только что пенсия да Сашины уроки. Много то на них не разживешься. Самой Ольге Васильевне было уже 50 лет и работать она не могла: она была больна сердцем. Это была невысокая женщина, полная, с типичным лицом русской женщины, с строгим и вместе ласковым взглядом умных, серых глаз. В былое время увлекалась она разными идеями, а теперь все ее внимание, все ее заботы сосредоточились на Саше и Варюше. Она думала их мыслями, глядела на все их глазами. Нравилось что-нибудь Варюше,—нравилось и ей, хотелось чего-нибудь Саше,—хотелось и ей.

Фот. Н. Маркова.

Греческое селение Бардус (Карской области).

— Было время,—говорила Ольга Васильевна,—и я трудилась для общего дела, а потом подросли дети, надо заниматься их воспитанием, не хватало уж сил на что другое. Ну и то хорошо, что двух честных людей, хороших после себя оставлю.

Ольга Васильевна действительно, могла сказать, что оставит после себя двух честных, умных людей.

Александр Долгин был человек поразительной честности, честный до мелочей. Будучи в гимназии, он не выносил никаких подделок или маленьких нечестностей со стороны товарищей.

— Знаешь ли, мама,—говорил он,—честность—это самое ценное, самое дорогое в человеке. Каждый человек должен дорожить своим *„честным словом"*.

И Александр приводил свои слова в осуществление. Он был естественник. Этот факультет он избрал не потому, чтобы это его очень интересовало, а потому, что он находил, что ему выгоднее, лучше.

— Там,—говорил он,—у меня больше свободного времени.

Вообще Александр как можно больше выгадывал времени, чтобы заняться другими делами, а дел у него было пропасть. У него были уроки, он преподавал в воскресной школе, учил безплатно у какой-то вдовы ее десятилетнего сына, читал лекции рабочим и т. д. Ему казалось, что если бы ему не пришлось все

это делать, то он не мог бы прожить. Его интересовали эти рабочие, которые после тяжелой работы приходили послушать его лекцию.

Он как-то любил этих рабочих,—они нравились ему. Его мозг начинал усиленно работать.

— Вот,—думалось ему,—если бы все рабочие были такие,—как хорошо бы было, как скоро поднялась бы Россия...

И долго еще раздумывал Долгин над тем, почему же не все рабочие таковы. Как бы этого достигнуть? И как это было бы хорошо.

Сестра его Варя была вся в мать. Такая же белокурая, полная, с спокойным лицом и большими умными глазами. Она училась в 7-ом классе гимназии. Что сказать о Варе? Это была девочка, как все девочки. Она училась, любила театр, любила книги, но никогда особенно не зачитывалась ими. В свои шестнадцать лет не прочь была помечтать и о каком-нибудь молодом и красивом и т. д. Но опять-таки это было девушка честная до мелочей.

С этой-то семьей и познакомился Семен Матвеев, а затем познакомил с ней и своего товарища Кузьмина Ивана. Они стали очень часто бывать у Долгиных, говорили с ним о разных делах и скоро сделались у них „своими людьми“.

III.

Рано начинался день в семье Гаврилы Петровича Чуркина, приказчика галантерейного магазина в Рядах. В шесть часов все были уже на ногах за исключением двух младенцев, которые еще сладко спали. Прежде всех поднималась хозяйка Марья Семеновна, женщина лет тридцати шести, высокая, худая, с изможденным сухим лицом. Она тотчас же будила 15-летнюю служанку Ганку и, надавав ей множество различных поручений, шла будить сына и мужа. К половине восьмого сидели в маленькой столовой за чаем ее муж Гаврила Петрович, господин лет 40, такой же, как и жена, высокий и худой, с небольшой черной бородой, бледным усталым лицом и сердитыми глазами, и сын их Павел, гимназист 7-го класса, высокий юноша, лет 18, с безцветным лицом.

Потом Гаврила Петрович уходил на службу, Павел—в гимназию.

Часов в девять просыпались младшие члены семьи: две девочки, Шура и Лида, 8 и 6 лет, белокурые, голубоглазые. Марья Семеновна начинала с помощью Ганки убирать комнаты и готовить обед. В три часа приходил Павел и тут же принимался за уроки. Ученье давалось ему очень туго. Те уроки, которые его товарищи выполняли в полчаса, у него отнимали два часа. Вообще это был слабо развитый юноша и умственно и физически. Безхарактерный, неспособный, флегматичный,—полная противоположность своей хлопотливой подвижной матери.

В семь часов приходил со службы Гаврила Петрович. Он очень уставал за день и приходил домой весь какой-то разбитый, раздраженный, а дома никакого развлечения, какой-нибудь мысли, не с кем ни поговорить, ни подумать. Сын в свои восемнадцать лет далек от каких-либо идей, интересов и т. д. Идеалы жены—кухня и дети. Гаврила Петрович чувствует себя одиноким и идет... Куда может идти приказчик? Идет в какой-нибудь дешевый ресторан, в кинематограф и т. д. И это ежедневно, изо дня в день, целые месяцы, годы. Бедная, безсодержательная жизнь, без определенных стремлений, желаний, идей. Это отражается на нем,—ясно видно по его лицу, движениям усталым, разбитым. Недовольство самим собою, окружающим и окружающими отзывалось и на здоровьи: он потел по ночам, кашлял, хирел с каждым днем. А Марья Семеновна готовила кушанья, мыла и одевала детей и была довольна и „*счастлива*“, что она сама говорила. А Павел думал только о том, как бы ему приготовить уроки, чтобы не отставать от товарищей.

И Гавриле Петровичу,—человеку, которому хотелось сознательной жизни, идей, стремлений,—трудно было жить среди обстановки, в которой он не мог ничего найти..

(Продолжение следует).

Анастасия Блюм.

Комнатка.

Я знаю комнатку, там где-то на окраине,
В которой я провел так много, помню, дней,
В которой перенес и радость и страданье,
Но мне она была хоромов всех милей.
Хотя убогой в ней была вся обстановка,—
Плохие стулья, стол, расшатанный комод,—
Частенько я видал, что толстая веревка
С бельем сырым висела поперек,
И лампа старая, с бумажным абажуром,
Висела над столом, давая слабый свет;
Картина на стене, лубочная, с амуром,
Пронзающим сердца каких-то старых дев;
Часы с расшатанным звенящим механизмом;
Кровать железная со скрипом вдоль стены;
Частенько слышен плач двоих детей капризных
Иль с шумом бегают по комнате они.
Но я любил ее убогое убранство
И отдыхал там, помню, я душой.
Все было просто там и не было там чванства,
Любезности холодной, напускной.

Бахвалов.

Песнь юности.

Овеянный чудными чарами,
Окутанный дивными грёзами,—
Смеюсь я над жизни ударами,
Смеюсь над житейскими грозами!
Пусть путь мой дорогою бурною
Струится во время ненастное,—
Не страшен он в пору лазурную,
Не страшен он в утро прекрасное!
Мне скорби зальет щебетание
Эфирных певцов воскресающих,
А грустность затмит любование
Лесов и полей оживающих.
Пусть льются рекою обильною
Невзгоды из недр неизвестности,—
Я грудью могучей и сильною
Создам неземные чудесности!
Овеянный чудными чарами,
Окутанный дивными грёзами,—
Над жизней жестокой ударами
Я буду смеяться с угрозами!

Любань, Новгор. губ.

Антип Никаноров.

Женщине.

Вчера любил любовью я святой.
Вчера была ты—бог, кумир,
Прекрасной, юной, неземной;
Тебе вчера молитвы возносил.
Сегодня ты—страстей рабыня,
Сегодня ты и пошла, и смешна,
Вчерашний ангел мой, святыня,—
Сегодня ты, как демон, вся грешна.
Разбит сосуд мой драгоценный...
Больной, усталый я грущу
И, проклиная мир сей бренный,
Опять тебя, мой идеал, ищу.

Эллен.

Фиалка.

Посв. М. Пуцейко.

Ласковое солнце в небесах играло,
А в лесу фиалка тихо расцветала.
Ландыш серебристый нежно к ней ла[скался]
И порой украдкой с нею целовался.
В тихий час заката—юный и прекрасн[ый]
Прилетал к ней ветер трепетный и страст[ный]
И, склонясь к фиалке, лепестком игра[л],
До зари шептался с ней, не умолкая.
Ей сквозь дымку грусти улыбались ел[и]
И с утра до ночи птички песни пели.
И жилось фиалке весело, безпечно,
Но и для фиалок счастие не вечно.
Проходил по лесу человек безвестный
И сорвал цветочек нежный и прелестный,
И, упившись тонким, чудным ароматом,
По цветку скользнул он безучастным [взглядом.]
Смял его и бросил, и смеясь, зевая,
Зашагал по тропке, что-то напевая...
Ласковое солнце в небесах играло,
А в лесу фиалка тихо умирала.

Н. Захаров.

Отзыв об Эсперанто.

Л. Н. Толстой: „Легкость изучения его [я]зыкова, что, получив лет шесть тому назад Эсперантскую грамматику, словарь и статьи, написанные на этом языке, я после не более д[вух] часов занятий был в состоянии если не писать, то свободно читать. Во всяком случае, жертв[ы], которые принесет каждый человек, посвятив [не]сколько времени на изучение этого языка, т[ак] незначительны, а последствия, которые мо[гут] произойти от усвоения всеми этого языка, [так] огромны, что нельзя не сделать этой попытк[и]...

От редакции.

Редакция, идя навстречу молодежи в и[зу]чении языка Эсперанто, с № 3 нач[инает] ***ПОМЕЩАТЬ УРОКИ ЭСПЕРАНТО ДЛЯ [ВСЕХ]*** ***ЖЕЛАЮЩИХ ВЫУЧИТЬ*** *означенный [язык].*

Живопись, Скульптура, Зодчество.

Долой академическую дисциплину искусства!..

(Памяти Пабло Пикассо).

„Единственной и неотъемлемой реальностью является наше собственное „я“. Все остальное—идолы и иллюзии“.

Баррес.

Еще до сих пор в кружках русского общества привычно характеризовать свой взгляд на новые течения искусства, как на ослепительный кошмар, который родился в нашей душной электрической атмосфере современности. Не могут отрешиться наши широкие слои публики от педагогического реализма и несметной толпы подражателей, тонущей в хаосе правды.

Новый художник не хочет более обманывать лживой реальностью поддельной жизни, — он предпочитает увлечь зрителя красотою своих основ и заставить забыть самое существование действительности; поэтому самые разнообразные течения нового искусства об'единяются в общем стремлении — отойти отъ реальной действительности, отразить вечные чувства и желания человека вне условий данного, случайного момента и передать в призрачной, сказочно-углубленной форме затаенные мечты и думы...

Мы прошли громадный путь от натурализма, который воспроизводил одну материальную действительность — не искусство, а только механическая копировка внешнего облика жизни, копия, притом фальшивая, погрешающая односторонностью против правды жизни, в которую включено и духовное идеальное. Материалистический реализм есть бездушное пассивное воспроизведение природы, творения без всякого проявления личного художественного творчества.

Недостаточно, наконец, и механического сопоставления одного рядом с другим, не создающего ничего цельного и звучащего вечным диссонансом.

Искусство, это — воссоздание того, что вечно, независимо от всех перемен и случайностей, независимо от времени и пространства, а потому является воссозданием сущности, т.-е души, во всех ее достоинствах и недостатках, независимо от того, будут ли они добром или злом, красотой или безобразием. Основным принципом нового искусства, всех направлений и течений его является понятие души, как индивидуальной силы, души, которая по воле неведомой стихии нисходит на землю, возвращается снова на лоно вечности и снова воплощается.

Новое искусство, несмотря на свои антиреалистические выводы, глубоко реалистично по своему происхождению, и потому каждый художник есть, таким образом, своеобразный сочетатель жизни в той области искусства, которой он служит. Нашим молодым художникам надо освободить искусство от классицизма, от пережитков прошлого, которые особенно живучи в наших так называемых „академиях“, где до сих пор преобладает принцип „представлять“ в ущерб принципу—„переживать“.

Весна *Рис. М. Келлата.*

В наших художественых школах вы еще встретите преподавателей искусства, по традиция продолжающих поддерживать эту точку зрения.

Наше национальное искусство надо наполнить современною кровью и плотью, создать современное понимание красок и форм.

Перейдем теперь к гениальному новатору нового искусства— Пабло Пикассо, который, несомненно, имеет близкое отношение к русской молодежи. В своем творчестве П. Пикассо улавливает то, чего не выскажешь словами: он ищет безопасный путь, путь жалкий пяти чувства, которые обнимают жизнь только в ее случайностях, в ее грустной и глупой будничности. Он не знает интервалов ни во времени, ни в пространстве; для души существует безпредметная, безпространственная, вневременная сущность вещей. Таков Пикассо, испанец по рождению, но француз по своей художественной культуре; он первый раздвинул рамки художественного творчества, заставил художников обратиться от классической Греции и романтических средних веков к современной действительности, от классицизма правильного — к индивидуальному. Пикассо, как завершитель импрессионизма с испанской особенностью и зачинатель футуризма, кубизма в своих работах, кажется каким-то блуждающим человеком, который жил среди моря человеческих душ, где наблюдал за психикой разных морей, изучал гулкую толпу и весь этот ежедневный круговорот города — такой кошмарный в своей обычности.

Пикассо отдал свою жизнь изучению души человеческой со всеми ее духовными переживаниями, и поэтому в его работах представлены жители публичных домов, чердаков, подвалов, вообще различных уголков Богемы, где суетились ежедневно старики, старухи, тряпичники, кокотки и нищие.

Русская молодежь, чутко прислушивающаяся и нежно реагирующая на все его течения, нашла в Пикассо свою путеводную звезду, которая ласковым светом озарила ее, согревала и звала на борьбу за светлые и чистые идеалы правды, красоты и любви. В следующем номере рассмотрим его произведения.

Саша Бут.

ТЕАТР и МУЗЫКА.

Несколько слов к молодежи о вокальном искусстве.

Что в искусстве высшее? То же, что и во всех других проявлениях жизни высшее: сознательная свобода духа.

I.

В последнее время появилась масса всевозможных музыкальных училищ, множество учителей пения. Большое число молодых людей обучается этому искусству и здесь и за границей, а, между тем, певцов вполне сформированных, умеющих владеть своим голосом, очень немного. Между прочим, говоря о голосах как о сыром материале,—у нас на Руси непочатый край. Причина, конечно, очень много. Были также примеры и случайного открытия голосовых средств у людей, которые совершенно не помышляли о своей „будущей“ карьере „известных певцов“, как г. Донской (артист бывш.

императорского театра), г-жа Вяльцева и много других. Карьера певца-артиста очень для многих заманчива, правда, иногда она с высоким пьедесталом известности, знаменитости, но, к большому сожалению, она кратковременна. Невольно приходят на память слова Баяна („Руслан"): „но не долог срок на земле певцу". Можно назвать целую плеяду выдающихся артистов, которых уже многие совершенно забыли, несмотря на то, что они еще находятся среди нас.

Все же „голос", — говорит В. П. Островский, — это — чудный инструмент для выражения души, не только собственной, личной, но и души великих поэтов, — этих словесных выразителей народных и мировых мыслей, образов и настроений, — инструмент, посредством которого умелый исполнитель может, подобно музыканту, но еще гораздо определеннее, чем он, и беседовать в уединении с самим собой, и, как пушкинский пророк, „жечь глаголом сердца людей".

Действительно, высший дар у человека, это — голос. Дар этот богатый, исключительно редкий, конечно, понимая в положительном смысле.

Его рождение — природа, но не переходная ступень. Бывают случаи, — если можно так выразиться, — „рождается" половина его, то, при опытном и умелоосторожном обращении с

„Лунная ночь под Москвой"

Рис. М. Келлата.

ним, он вырабатывается в нечто целое.

Каждому ремеслу или во обще какой-либо науке люд учатся все, пению — тольк обладающий голосом. Этим выс шим и редким благом одарен немногие. Мнящих себя певц ми, а также думающих о себе что у него „выдающийся го лос", — к сожалению, много.

Приведу пример, хотя и не большой, но, как факт, очен для многих поучительный. На деюсь, что чуткая душа молоде жи подметит и найдет те фаль шивые недостатки, которы безусловно нужно избежать.

На одной вечеринке я по знакомился с учеником техн ческого училища (фамилии на зывать не стану). Составился любительский хор; ему раз два пришлось быть запевалой после пения его и других бла годарили. Некоторые, жела ему польстить (как это в боль шинстве случаев бывает), выра зили ему хвалу и дали сове учиться пению и поступить оперу. Откровенно говоря, го лосовых средств для будущег оперного певца у него не был С этого вечера неотвязна мысль о новой карьере артист оперы не давала ему покоя. О возомнил себя действительн обладателем недюжинного пе ца. Учиться пению он и н думал. В мозгу его крепко з села льстивая похвала людей далеко стоящих в смысле сер езного понимания вокальног искусства, которые, к великому сожале нию, сами того не замечая, бросают иногд семена лести на благодарную, в этом о ношении, почву не опытности, и сами то не зная, многих сбивают с их уже избран ной для жизни дороги на заманчиво амплуа оперного солиста, пожиная мы ленно его лавры.

(Продолжение следует).

Александр Хлебодаро

СПОРТ.

Велосипедно-мотоциклетные гонки.

Устроенные московским кружком конькобежцев и велосипедистов-любителей в воскресенье велосипедно-мотоциклетные гонки прошли весьма успешно и в спортивном, и в финансовом отношении.

Гонки начались предварительными велосипедными заездами на дистанцию в полторы версты. Их было два. В первой серии на первом месте оказался г. Крючков с временем в 2 мин. 44,8 сек.; на втором — г. Колгушкин в 2 м. 45 сек.; на третьем — г. Букин в 2 мин. 45,4 сек. Во второй серии первым на финиш прикатил г. Козлов 4-й в 2 мин. 40,6 сек., вторым — г. Белкин в 2 мин. 42,2 сек.

Вторым номером гонок был заезд велосипедистов второго разряда на три версты, „с американцем". Из записавшихся на состязание в этом заезде по жребию досталось быть „американцем" г. Канцыреву. Он был пущен со старта с фором в 150 саж. Остальные гонщики должны были стараться его догнать. Но г. Канцырев настолько хорошо ехал, что не дал своим соперникам даже хоть сколько-нибудь приблизиться и оказался на финише первым с временем в 5 мин. 24,8 сек. Второе место занял г. Попов 1-й, проехавший гоночную дистанцию в 5 мин. 25,1 сек. Третьим — г. Козлов 3-й в 5 мин. 25,9 сек.

После заезда „с американцем" состоялся финал велосипедистов на полторы версты на призы В. С. Ухарадзе. Ехали гонщики, попавшие в финал из двух, описанных выше, предварительных заездов. Первый приз взял г. Крючков, проехавший полторы версты в 2 м. 49,6 сек. Второй приз достался г. Колгушкину (2 мин. 49,8 сек.), третий — г. Букину (2 мин. 50 сек.).

Затем состоялся заезд на мотоциклетах, с машинами до пяти сил, на дистанцию в 12 верст. Участники заезда были пущены со старта по гандикапу. Г. Обухов при громких аплодисментах публики кончает дистанцию первым в 11 мин. 36,2 сек. Второй приз берет г. Ордынский, с временем в 12 мин. 02,2 сек., т. е. на 26 сек. тише г. Обухова.

В следующем заезде на три версты для велосипедистов-новичков первый приз выиграл г. Обадал, с временем в 5 мин. 56,6 сек.; второй приз взял г. Коняев (5 мин. 56,8 сек.); третьим — г. Чубуков (5 мин. 57 сек.). Призы были даны для новичков И. Д. Конюковым.

Заезд для мотоциклистов, с машинами всех сил, по желанию участников, состоялся не на двенадцать, как предполагалось по программе, а на пятнадцать верст. Первый приз взял г. Орлов, ехавший на машине Дайтона в 9 сил и сделавший дистанцию в 12 мин. 55,6 сек. Второй приз достался г. Безсонову, ехавшему на мотоциклете „Индиан" в 7 сил (время г. Безсонова — 13 мин. 03,2 сек.). Третьим г. Егоров на машине Гарлей в 13 мин. 36,8 сек.

Большой интерес доставил и спор сменам, и публике „Австралийски заезд для велосипедистов на дистанц в 6 верст. Гонщики были разбиты четыре группы (две по 4 и две по 5 ловек), которые и стартовали в четыр разных местах (по четвертям кру Первое место заняла команда наш известного стайера г. Мельнико (гг. Мельников, Котов 2-й, Пестрико Белкин), показавшая время в 10 м 47,2 сек. На втором месте — группа Букин, Егоров, Козлов 4-й и Трофим Третьей — группа гг. Колгушкин, По 1-й, Козлов 3-й, Соколов и Александр

В заключение был устроен вне граммный заезд на мотоциклетах сил на дистанцию в 9 верст. Пер приз взял г. Безсонов в 7 мин. 41,6 с второй — г. Орлов в 7 мин 42 третьим — г. Обухов в 7 мин. 56,8 Судили и распоряжались на го Ф. В. Борисов, С. Г. Ломакин, И. Д нюков, В. И. Левашов, В. С. Цхад И. С. Герасимов, Р. С. Рыжий-Ры Н. В. Красовский, В. Л. Быстри П. Р. Евдокимов, И. С. Кудр А. Я. Михневич и К. К. Морозов.

„Мир".

ЮМОР.

„В стране неограниченных возможностей“.

(Почти полуправдивая история).

Это было в 1905 году. Перелешин — ярый социалист сидел на корточках за баррикадой и думал о будущем социалистическом рае. Его воображение рисовало такие картины, что его сердце почти останавливалось от удовольствия, и на глазах появлялась сантиментальная роса. Вдали хлопали одиночные выстрелы и делали еще торжественнее мгновение. Но вот с противоположной стороны улицы, где сидел Перелешин, защелкали выстрелы и порвали нить его размышлений. Перелешин очнулся и приготовился к бою.

„Непременно поколотим их!“ — крепко сидело в голове Перелешина,—„а потом... потом ..“— Перелешин улыбнулся, — „потом свобода, равенство, братство, республика... и т. д — Хорошо!“.

Перелешин зажал крепче в руках винтовку и начал отстреливаться. Стрелял с воодушевлениемъ и старался не делать промахов. Более всего его злил маленький, юркий офицерик, перебегавший с одной стороны улицы на другую и ободрявший солдат. Перелешин все старался поймать его на мушку, но это ему никакъ не удавалось. В азарте он высунулся из-за скрывавшего его толстого, обшитого железом сундука и, наконец, поймал его на прицел... Но в это время что то толкнуло его в левую сторону груди и сразу стало мало воздуха. „Кажись готов“!— равнодушно подумал Перелешин.—„Жаль! А свободы-то я так и не увижу“,—вздохнул и погрузился во мрак . . . .

. . . .

Далее случилось что-то невероятное!...

Но случилось это не теперь же, а много лет спусти. Но прежде чем говорить про то, что случилось, ознакомимся немного с загробной жизнью Перелешина.

Лежал Перелешин на глубине трех аршин под землей тихо.. спокойно. Он уже успел очистить свой скелет от так называемого тела и завел дружеские отношения с соседями по братской могиле. Часто по ночам Перелешин с соседями вылезали посмотреть на луну и попугать одиноких прохожих. Забав было вообще много. В будущем предполагали даже устроить экскурсию на кладбище версты за две, где, как говорили старожилы, была одна интересная девушка самоубийца.

— „А недурно было бы завести маленький романчик!“—мечтал Перелешин, и говорил своим соседям:—„ведь когда я был еще там—на земле, ей-ей я был недурен, — ну, а теперь, правда, немного пообносился... ну, да это неважно“. И Перелешин гордо постукивал себя по грудной клетке.

Он давно лелеял мечту познакомиться с этой девушкой, но ему определенно не везло. Вот уже вторую неделю шел дождь, и он не решал вылезать наружу, да к тому же ревматизм не давал ему покоя. Итак он принужден был ничего не делать и спокойно лежать. Впрочем, у него было занятие. Его старик, сосед справа, научил его выстукивать челюстями и костями ног вальс „Невозвратное время“, чем вначале Перелешин очень увлекался, но скоро ему это надоело.

И вот тут-то случилось нечто необычное. Было это ночью. Дрогнула земля, послышался гулкий взрыв, и Перелешин почувствовал, что он рассыпается. Когда он пришел немного в себя, то он не досчитался правой ноги, нескольких ребер и совершенно отсутствовала левая кисть руки. Больших усилий стоило ему собрать все растерянное, хотя все-таки двух косточек большого пальца левой руки он не нашел. Лишенный квартиры, Перелешин побрел куда глаза глядят. Его мучила одна мысль: куда он денется, если его увидят днем. Бесцельно блуждая по полю, он наткнулся на лежавшего человека—вернее, труп. Трупъ был совсем свежий и мало попорченный,—только небольшая дырка зияла около левого глаза.

„Это может пригодиться!“—подумал Перелешин. Он нагнулся и стал производить какие то манипуляции. Через десять минут скелет Перелешина лежал на месте убитого, а Перелешин поднялся и оправлял на себе новую оболочку. Перелешин откашлялся и проговорил довольно приятным тенорком: „Удачно переселился“. Насвистывая „Невозвратное время“,—Перелешин направился в город. Теперь его уже не пугало появление днем среди людей. Идя по городу, Перелешин встречал много нового. Вместо ненавистных когда-то городовых, стояли совсем другого вида люди с красными повязочками. Свободно реяли красные флаги. „Наверно уже республика“,—подумал Перелешин Но прежде чемъ что-либо решать, он купил газету на деньги, найденные в кошельке его новой оболочки и уселся читать на бульваре. Долго он не мог разобраться как следует. Он решил, что уже окончательно разучился читать, встречая непонятные слова: „Совдеп, Исполком, Викжедор и др.“ Затем говорилось про каких-то контр революционеров, принадлежащих к партии эс-эров. Тут Перелешин возмутился окончательно: „Позвольте! да ведь я—самый настоящий эс-эр. Пострадал за свободу, равенство и братство!... И вдруг? Я-то контр-революционер? А? Каково? Нѣт,—тут что-нибудь не такъ“!—Рѣшил Перелешин и пошел искать у кого-нибудь об'яснений.

В Лесу. Рис. *М. Келлата.*

По дороге его многое удивляло и возмущало.— „Товарищ,—буржуазную газету не желаешь ли?!“— прошептал ему на ухо газетчик.—„Давай, давай, почитаем и эту“, — снисходительно сказал Перелешин.

„Только ты дяденька, поосторожней!—Дома почитай, а тут лучше не стоит, — как раз влипнешь!“

„Это почему же?“ —возмутился Перелешин“,— в республиканской странѣ да влипну? А свобода слова? А свобода печати?

— „Так то так, да вѣдь у вас не велено!“— кинул газетчик и пустился бежать.

Перелешин повертел газету в руках, посмотрел на пробелы, плюнул и пошел дальше, качая головой.

. . . .

Вечером Перелешин сидел перед членом комиссии по борьбе с контр-революцией, саботажем и т. д. и, брызжа слюной, доказывал, что он страдал за революцию, что он всегда боролся за свободу и что он, во всяком случаѣ,—не контр-революционер.

Член комиссіи стучал по столу кулаком и яростно выкрикивал:

— Вы, прислужники буржуазии, стараетесь вонзить нож в спину революции, но это вам не удастся! Вы затеваете с вашими союзниками, разными корниловцами, семеновцами, съ Сибирской буржуазией, свергнуть советы, но это вам не удастся, повторяю, не удастся! Вамъ нужно Учредительное Собраніе, под видом котораго вы хотите взять власть над трудовым народом?!

„Позвольте!... ведь Учредительное Собраніе“, — начал было Перелешин. — „Ничего не позволю“...—крикнул член комиссии по борьбе и т. д.

„Вы — соглашатели! Продались буржуазіи, а такіе вам не нужны!... Худая трава из поля вон,—горячился член комиссии и т. д.

— „Ведь я же не буржуй!... эс-эр... всегда боролся... мечтал... свобода .. равенство“, — лепетал, окончательно сбитый с толку Перелешин.

„Ну да что с вами долго разговаривать!“—сердито крикнул член комиссіи. — „Товарищи! — отведите его!“.

Перелешина взяли два дюжих красногвардейца и вывели изъ кабинета.

. . . .

Перед рассвѣтом Перелешин стоял перед наведенными на него винтовками и думал: „А я-то боролся за свободу, равенство! Кричал долой смертную казнь!... Дурак!“...

Щелкнуло около десятка выстрел в. . . . .

. . . .

Евг. Энсний.

Игра не стоит свечей.

Какой красивый занавес в этом театре!—Да! Жалко, что его поднимают.

Ответ.

Учитель: Что связывает нас, людей, делает более лучшими, чем мы на самом деле?

Ученица: Корсет.

Затем выступил с докладом тов. Шацкин. В своем докладе он осветил революционное движение союза молодежи Европы и Америки, руководителем которых является бюро молодежи в Швейцарии.

После доклада была принята резолюция по текущему моменту о всемерной поддержке политики Совета Народных Комиссаров и Ц. И. К.

Затем была принята резолюция о необходимости поддерживать и помогать организации комитетов бедноты и об образовании продовольственных отрядов.

Принято также пожелание о необходимости реорганизовать союзы крестьянской молодежи в сельско-хозяйственные коммуны.

Во второй день с'езда были заслушаны разные информационные доклады о проведении в жизнь декрета о шестичасовом рабочем дне для малолетних, о культурно-просветительной и политической работе союза и т. д.

Принято было предложение — приветствовать стойкого борца за идеалы пролетариата тов. Ленина.

Решено организовать отряды для борьбы с чехо-словаками.

В заключение принято постановление о созыве в скором времени Всероссийского С'езда союзов рабочей и крестьянской молодежи.

(„И. Ц. К.“).

Согласно декрета С. Н. К. занятия в учебных заведениях отсрочены до 1 октября.

Совещание по реформе высшей школы. С 19-го по 23-е августа 1918 года в помещении богословской аудитории Московского государственного университета (Моховая, д. 9) состоится 2-е совещание по реформе высшей школы, созываемое народным комиссариатом по просвещению.

25 сего августа, в г. Москве открывается 1-й Всероссийский С'езд по просвещению, созываемый Государственной Комиссией Народного Комиссариата по просвещению, согласно ст. 8 положений об организации дела народного образования в Российской Федеративной Советской Республике.

Учебники для высшей школы. Государственная Коллегия Комиссариата по просвещению постановила выдать проф. Уграмову беспроцентную ссуду на 2 года в 110 тысяч рублей на переиздание его курсов по технике сильных токов.

В ближайшее время будет возбужден вопрос о переиздании вообще учебников для высшей школы.

О духовных учебных заведениях. Государственная Коллегия Комиссариата по просвещению предложила Отделу переходящих учебных заведений предпринять все меры к принятию всех церковно-приходских школ, духовных и епархиальных училищ в свое ведение. Кроме того, Междуведомственному Отделу совместно с Комиссариатом по национальным делам поручено наметить шаги к осуществлению декрета об отделении школы от церкви в отношении других вероисповеданий.

ХРОНИКА „ЭСПЕРАНТО“.

Москва. Вышли №№ 1 и 2 „Известий Московского Союза Юных Эсперантистов“. С осени союз возобновляет интенсивную работу для пропаганды языка Эсперанто. 11 августа была устроена экскурсия. Собрания Союза происходят по субботам в 6 часов (Москва, Лубянский проезд, 3, кв. 34).

Астрахань. Сформирован местный комитет союза юных эсперантистов (Тевяшевская, 13). В женской гимназии Бензоман ведутся официальные занятия Эсперанто.

Тула. Учащимися-эсперантистами издаются известия и журнал. Открыты курсы языка для молодежи.

Воронеж. В средних учебных заведениях неофициально введено Эсперанто.

Томскъ. В доме Юношества имеется Эсперантский кружок, и об'явления об Эсперанто помещаются в ученических журналах.

Красноярск. Организован Эсперантский ученический кружок.

Курган. При ученическом союзе открыт кружок эсперантистов. В органах союза ведется успешная пропаганда.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
„ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ“
ОБ'ЯВЛЯЕТ

КОНКУРС
на обложку журнала.

Условия конкурса:

1. Содержание обложки должно символически передать характер русской молодой души, для чего в основу символизма должны войти цели и программа молодого журнала.

2. Обложка должна быть выполнена ясно и отчетливо черной тушью или карандашом на белом фоне картона или бумаги размером 18×12 дюйм. На фоне обложки должна отчетливо выделяться надпись: „**Журнал Жизнь и Творчество Русской Молодежи**“.

3. Конкурентами может быть лишь русская молодежь. Срок подачи—15 сентября н. ст. 1918 г.

4. За лучшую обложку будет выдана премия в 100 руб. Авторы обложек, желающие получать обратно таковые, благоволят выслать деньги на пересылку. О результатах конкурса будет об'явлено в журнале. Премию будет присуждать комиссия из редактора и художников, не участвующих в конкурсе.

Комитет Союза учащихся сред. техн. уч. помещается в Комиссар. техн. уч. (Тверская, Благовещ. пер.). Дежурство от 5—7 час. веч., кроме воскресн. дней.

ТРЕБУЮТСЯ АГЕНТЫ

для широкаго распространения журнала. Об условиях узнать в конторе.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на двухнедельный, единственный в России богато-иллюстрированный большого формата журнал

Жизнь и Творчество Русской Молодежи

Издается при самом живом и тесном сотрудничестве всей русской молодежи всех уголков России.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

С ПЕРЕСЫЛКОЙ ВО ВСЕ МЕСТА РОССИИ

на 12 мес. 26 руб.	6 мес. 13 р. 20 к.	3 мес. 6 р. 60 к.	1 мес. 2 р. 25 к.

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА журнала „ЖИЗНЬ и ТВОРЧЕСТВО РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ“ в Москве: 1 Мещанская, 50, кв. № 12.

Подписка также принимается в **Южном** и **Украинском** отделениях и у Н. И. Печковской в Москве (Петровские линии) и во всех книжн. маг. „Нового Времени“ и „Вольфа“.

Допускается разсрочка: при подписке—10 руб., в октябре—6 руб., в январе—5 руб. и в апреле—5 руб.

МОЛОДЫЕ ТОВАРИЩИ! Не давайте замолкнуть вашему юному голосу, оказывайте широкое содействие журналу; подписывайтесь на свой орган. Да здравствует печатное слово молодого поколенія!

Издатель: Издательство „РУССКАЯ МОЛОДЕЖЬ“.

Редактор: Н. В. Марков.

Типография „Русская Печатня“, Москва, Б. Садовая, д. № 14. Тел. 2-06-39.